

КСЕНИЯ
КРЕЙЦЕР

главная битва
идет внутри

ТЕМНАЯ ПОРОДА

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Ксения Крейцер

Тёмная порода

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крейцер К.

Тёмная порода / К. Крейцер — «Эксмо», 2025 — (Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-214085-3

Когда пришла Темнота, мир изменился. Магия разлилась по его землям, в недрах вызрела тёмная порода, а в избранных людях пробудился Дар. Но дар для одного — проклятье для другого. Изуродованный кузнец грезит спасением мира и куёт браслеты, лишаящие магии. Молодой мужчина, который носил браслеты с самого детства, мечтает найти создателя этих артефактов. Княжеский сын отчаянно желает найти самого себя, но находит только приключения. Однажды ему придётся выбрать между редчайшим сокровищем и жизнью ведьмы с дивными глазами. И выбор, который он сделает, определит судьбу всех четверых. История в духе классического фэнтези, которая развивается по типу лавины: цепь случайностей и незначительных решений сводит пути главных героев и отправляет их в путешествие, из которого нельзя вернуться прежним. Авторский мир с собственной географией, системой магии, законами и иерархией общества. Смертельные опасности, сражения, магия, тайны и настоящая дружба. Повествование с разных точек зрения: князя, чья душа еще более благородна, чем его происхождение; девушки, которая чувствует ложь, но не очень-то верит себе; весельчака огромной харизмы, но трудной судьбы; антагониста, которого вам будет жаль. Есть еще рыжий кот. Он ничего не рассказывает, только мурчит. Красочная иллюстрация на обложке Анны Ремез. Издание дополнено картой на форзаце Ольги Левиной (Sceith-A).

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-214085-3

© Крейцер К., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Пролог	7
1. Тринадцать сапфиров	14
2. Цветущий замок	23
3. Странный князь	29
4. Путешествие без приключений	37
5. Маска	48
6. Огненный цветок	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ксения Крейцер Темная порода

*Живите, не боясь ни увядания, ни смерти, – им вас не коснутся.
Созерцайте, не оглядываясь на время, – оно для вас не закончится.
Познавайте, тайны мироздания нескончаемы. Изменяйте себя, как
пожелаете, будьте теми, кем хотите.*

*Всего один закон оставляю я вам, Смотрители: не вмешивайтесь.
Ни в мирах, ни меж звёздами, никогда и ни за что естественный ход вещей
не может быть нарушен.*

*Что должно, да случится. Таков мой замысел, таков для вас
закон.*

Непреложная Заповедь

Иллюстрация на переплёте *Анны Ремез*
Карта на форзаце *Ольги Левиной (Sceith-A)*

© Крейцер К., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

– Надеюсь, этот твой хваленый мир меня не разочарует. Если я прервала Созерцание ради какой-то глупости, я тебя не прощу, Максимус. Так и знай!

– Аэ, – откликнулся Максимус, – ну каждый раз одно и то же! Ты должна видеть Его творения своими глазами, а не только мысленным взором. Этра прекрасен. Обещаю, ты ещё будешь ругать меня за то, что я не привёл тебя сюда раньше!

Он потянул Аэтернитас за собой в портал.

Небеса Этры оказались залиты белым пламенем от края до края. Магические потоки кипели и сворачивались бушующими водоворотами. Тени, оторвавшиеся от вещей, кружили в безумной пляске.

Ничего прекрасного здесь не было. Мир, в который они вступили, бился в конвульсиях, изгибался и дрожал.

– Это, по-твоему, жемчужина Творца? – скривилась Аэтернитас.

Она успела воплотиться, и порывистый ветер вмиг бросил в лицо, спутал и растрепал её длинные волосы. По коже побежали противные мурашки: сам воздух, сотворённый поддерживать жизнь, в Этре вопреки природе пытался эту жизнь вытянуть.

– Но здесь всё было иначе, – растерянно пробормотал Максимус. Он тоже обрёл тело и сразу поёжился. – Что-то произошло.

Аэтернитас огляделась. Они стояли на вершине холма. Позади начинались горы, в долине у подножия разместилось поселение. Аэтернитас чувствовала там присутствие живых существ и, очень остро, владевший ими страх. Так боятся смертные, когда умирают.

Она прикрыла глаза, обращаясь ко внутреннему взору.

Смерть, смерть, смерть. И чёрные тени повсюду.

– Что за сущности такие странные? – удивилась Аэтернитас. – Тонкий план просто кишит ими. Посмотри.

– Да и не только тонкий, – отозвался Максимус. – Вон там внизу это тоже не простые тени так пляшут.

Аэтернитас вернулась к обычному зрению и пригляделась в указанном направлении. Действительно: то, что сразу показалось ей причудливыми отсветами небесного пламени, на самом деле ими не являлось.

– Не знаю, что это, – развёл руками Максимус. – Не водилось тут такого раньше.

– И мир кричит, – заметила Аэтернитас, – как роженица в схватках.

С каждым мгновением ей всё больше здесь не нравилось.

– Ульмм меняется, – Максимус кивком указал на светило в небе. – Даже если переродится, а не сгорит, Этре уже будет всё равно. Мы подросли прямиком к концу света.

– Никогда ещё такого не видела. Хотя... – она на мгновение задумалась, пытаясь поймать ускользающую мысль. – Нет, точно не видела. А ты?

– Изнутри – не видел. Я наблюдал однажды перерождение звезды, но в мир при ней не спускался.

– Пойдём, а? – предложила Аэтернитас. – Скверно здесь. Не хочу это созерцать. Лучше посмотрим на трансформацию звезды.

Максимус помедлил с ответом. Огляделся, нахмурился, отчего между бровей у него залегла глубокая складка, но потом всё же кивнул.

Где-то справа зашумели. Шаги многих ног, голоса. На холм взбежали люди, шестеро.

– Бегите! – заорал один из них, обращаясь к Аэтернитас и Максимусу. – Бегите, они уже здесь!

Тени хлынули со всех сторон. Теперь Аэтернитас могла их рассмотреть. Они не были злы или агрессивны, не были и опасны для неё или Максимуса: ничто в мирах не может причинить вред Смотрителю. Но от одного их присутствия Аэтернитас ощутила липкий ужас.

Голод, всеобъемлющий и неизбывный. Страсть, которую не утолить. Пустота, которую ничем не заполнить.

Женщина, что оказалась первой на пути теней, не успела даже вскрикнуть. Сущности обволокли её тёмным саваном и поглотили, растворив в себе. Её искра жизни угасла мгновенно.

Мужчина, который кричал, набросил щит на оставшихся людей. И, к удивлению Аэтернитас, на неё и Максимуса тоже. Тени, ударившись о магическую преграду, остановились. Но явно ненадолго – сущности принялись тянуть энергию из щита.

– Помогите держать, – прохрипел маг, сплюнув кровью.

Остальные люди обступили его, кто-то положил ладонь на плечо, кто-то взял за руку. Щит замерцал от прилива энергии.

– Если объединимся, – обратился мужчина к Максимусу, затем заглянул в лицо Аэтернитас, – у нас появится шанс. Их, – он указал на тени, – теперь нельзя уничтожить, но отбросить всё ещё можно.

«Наивный смертный, – подумалось Аэтернитас. – Нет никакого шанса. Мир разваливается. Ты погибнешь. Если не сейчас от этих теней, так чуть-чуть позже вместе со всеми остальными».

Её охватила какая-то щемящая тоска. Люди подобны песчинкам в океане мироздания. Такие мелкие, незначительные. Слабые и хрупкие. Такие смертные. И эти песчинки сопротивляются неизбежному. Ещё и пытаются защитить тех, кто стоит над ними и ни в какой защите не нуждается.

По щиту прошла рябь, тени напирали. Максимус дёрнулся, и Аэтернитас с одного взгляда поняла, что он собирается делать.

– Максимус, нет! – Она схватила его за руку. – Заповедь!

– Какая заповедь, Аэ?! Будем просто смотреть, как эти твари их убивают?

Аэтернитас растерялась. Она переводила взгляд с людей на Максимуса, с Максимуса на тени и обратно на людей. Она знала, как поступить правильно.

Но поступить так почему-то не могла.

Тени оказались непросты. У смертных против них не было ни единого шанса. Даже Максимус и Аэтернитас со всей доступной Смотрителям Силой справились не сразу.

Максимус разрывал их в клочья – они восстанавливались. Аэтернитас искала в них искру жизни, чтобы погасить, но не находила. Они не были живыми, не были мёртвыми. Алчущая пустота, да и только. Как такое уничтожишь?

Лишь когда Максимус сбросил тело и светящимся вихрем ворвался в гущу теней, когда ударил чистой Силой, лишь тогда тени пали, сожжённые изначальным пламенем.

– Кто вы такие? – потрясённо пролепетал мужчина, который создавал щит.

– Не имеет значения, – Максимус снова вернулся в тело.

– Боги, – выдохнул другой. – Боги слышали, как мы зывали к ним!

– Помогите нам!

– Остановите всё это!

– Да успокойтесь вы! – отмахнулся Максимус.

Смертные мигом замолкли.

Максимус обратился к Аэтернитас.

– Надо вывести людей в безопасное место.

– Где здесь оно, безопасное место? Эти небеса вот-вот рухнут.

– Под другие небеса, Аэтернитас.

– Ну, – она замялась, – раз мы всё равно им помогли, давай уже завершим начатое.

– Я хочу вывести не только их. Всех.

– Всех?

Максимус кивнул.

– С ума сошёл? Это не просто вмешательство! Это... Я не знаю даже, как назвать. Эфоры нас казнят!

– Ой, никого никогда не казнили, а нас вот возьмут и казнят!

– Да никто такого ещё и не делал!

– Аэтернитас, этому миру конец. Они, – Максимус указал на людей, – заперты в нём, как в клетке. Они все погибнут. Ты сможешь просто пройти мимо?

– Миры рождаются и умирают. Постоянно. Если всё время об этом думать...

– Всё время думать не надо. Подумай сейчас.

– Не знаю, Максимус, не знаю. Мне тоже жаль этот мир. Но заповедь...

– Сколько раз тебе говорил, заповедь – выдумка эфоров, чтобы держать нас в узде! Не вмешивайся, только смотри, наблюдай за чужими страданиями и радуйся, что тебя они не затронут. И главное – бойся всё время, оглядывайся. Вдруг ты что нарушил, сняв котёнка с дерева?

– Куда ты собираешься их вести? – сдалась Аэтернитас.

– В Ультим, – быстро решил Максимус. – Помнишь тот мирок, что около звезды Фуко? Он тут ближе всего, да и Фуко станет хорошим якорем для заклания.

– Хорошо. Открыть дорогу?

– Да. Я буду держать.

Аэтернитас прикрыла глаза, сосредотачиваясь. На самом деле, особой нужды в этом жесте для неё не было, но, когда она овеществляла часть себя и обретала тело, ей нравилось использовать все его возможности, даже самые незначительные.

Она представила мир, в который нужно открыть путь, окинула внутренним взором его небосвод. Увидела различимые на нём созвездия, Фуко, изливающую на него свою благодать, почувствовала дыхание мира.

Тонкая золотая ниточка, направляемая её волей, – основа для будущего пути – потянулась от Этры к Ультому. Потом ещё одна, и ещё, и ещё.

Нити уплотнялись и ширились: Максимус, в свою очередь, вливал в них Силу. Мир вокруг трещал по швам, но спасительная дорога укреплялась и наконец стала достаточно надёжной, чтобы выдержать исход обитателей Этры.

Перед Аэтернитас и Максимусом разлилось мерцание портала.

– Отлично! – обрадовался Максимус. – Сейчас выводим тех, кто находится поблизости, и открываем следующий. К моменту, когда Ульмм окончательно разбухнет, в Этре не должно остаться живых! Потом пойдём к эфорам и расскажем им о тенях. Они должны знать. Слишком это всё странно.

– Эфоры будут в бешенстве, когда узнают о том, что мы наделали, – заметила Аэтернитас.

– В бешенстве! – рассмеялся Максимус. – Скажешь тоже! Они бесчувственные, как камни. К тому же я рассчитываю, что тени заинтересуют их больше, чем мы. Скажем ещё, что увели живых, чтобы не кормить этих странных созданий. Мы не хотели вмешиваться, просто так получилось, – Максимус хитро улыбнулся.

Аэтернитас не смогла удержаться от ответной улыбки. Максимусу, как обычно, удалось развеять её сомнения. Конечно, он прав. Нельзя оставить всё как есть и просто пройти мимо.

– Конец мира нам остановить не под силу, – обратился Максимус к оторопевшим людям. – Но вас мы отсюда выведем. Вас и всех, кого найдём.

Смертные пали ниц.

– Никто не покинет Этру, Максимус, – раздался глухой голос, лишённый каких-либо интонаций. – Время этого мира пришло.

Их окружили эфоры. Они возникли из ниоткуда, Аэтернитас даже не почувствовала приближения. Она только успела взглянуть на Максимуса, как гул, опустошающий, сводящий с ума, заполнил всё её существо.

Переход меж двумя мирами рухнул.

– Совет принял решение, – возвестил Великий эфор.

По оболочке, служившей ему телом, змеились трещины, сквозь которые изнутри прорывался слепящий свет. Казалось, кожа-скорлупа вот-вот не выдержит натиска, лопнет, и чистая Сила – кровь и плоть создания – расплещется вокруг. Он и его собратья, как и Смотрители, могли бы и не воплощаться, а могли придать себе любую форму, но почему-то предпочитали именно эту – человекоподобную и обманчиво хрупкую, будто бы из последних сил выдерживающую их естество.

Собравшиеся на суде Смотрители, тоже все как один во плоти, внимали словам эфора, затаив дыхание и приняв настолько смиренный вид, что в них сейчас едва ли можно было угадать любимых детей Творца. Сжатые пальцы, бледные лица, глаза, потупленные, чтобы не пересечься ненароком взглядом с главой эфората, или, что ещё хуже, с тем, кто стоял, скованный его волей, в самом низу амфитеатра и единственный из присутствующих прямо смотрел в залитые белым пламенем глаза судьи.

– Смотрители были оставлены наблюдать за мирами, созданными Творцом, – эфор обводил невидящими глазами амфитеатр, – любоваться Его творением, познавать, созерцая. Вам дана сила, вам дано бессмертие, и лишь одна заповедь, которой надо следовать.

«Не вмешивайся, не вмешивайся», – прокатилось по амфитеатру. Смотрители вторили друг другу, бормоча священную формулу.

Максимус скривился. Эфор остановил взгляд на нём.

– Ты нарушил заповедь. И ты не раскаялся в содеянном. Трижды мои братья спрашивали тебя, и трижды ты отказался покаяться.

Стоящие за спиной главы Совета эфоры дружно покачали головами.

– Спроси меня ещё сотню раз, и ещё сотню раз я отвечу, что мне не в чем раскаиваться, – бросил Максимус.

– Ты нарушил волю Творца, – тембр голоса эфора неуловимо изменился и теперь, очевидно, должен был передавать печаль создания.

– Я так не считаю, – Максимус зло усмехнулся. – По Его воле я чувствую сострадание к тем, кто заперт в Этре. И если Его волей мне дана сила их спасти, почему я не должен этого делать?

– Служение Смотрителей в том, чтобы дать случиться тому, что должно. Этра должен погибнуть. Всё, что происходит в мирах, есть замысел Творца.

– Так, может, и то, что я сделал, есть Его замысел? Может, это Творец направил меня в Этру? Может, он создал меня, чтобы я спас этот мир?

– Есть заповедь, которую оставил Творец. Она непреложна. Смотрители не вмешиваются в дела миров, лишь созерцают.

– Я не знаю, кто оставил эту заповедь. Я никогда не видел Творца. Заповедь принесли нам вы. И чтить её требуете вы, в то время как всё во мне протестует. Почему я должен верить вам? Если я создание Творца, то мои действия есть Его замысел. Тогда дайте тому, что должно, произойти. Не вмешивайтесь!

– Заповедь дана Смотрителям, не эфорам.

– Там живые, – выдохнул Максимус. – Люди и нелюди, зверьё, духи. Они хотят жить. Они вызывают о помощи. А эти жуткие тени? Они питаются жизненной энергией, они гасят искры, так быть не должно! Как вы можете сохранять спокойствие?

– На всё воля Творца.

– Ах, ну да, что вам до гибнущих миров. Вы же ничего не чувствуете, ведь так?

– Ты слишком долго бродил по мирам, Максимус, и недостаточно созерцал. Ты вовлёкся. Забыл о предназначении, о долге. Заставил позабыть других.

При упоминании о других Максимус напрягся. Аэтернитас. Её не было рядом с ним, не было и среди Смотрителей. Он не беспокоился о себе, уже почти не беспокоился об Этре и его жителях и пререкался с эфором, не пытаясь что-то доказать, а скорее из вредности. Но судьба Аэтернитас по-прежнему волновала его.

– Ты, верно, думаешь, где Аэтернитас? – спросил эфор, будто бы прочитав его мысли. – Почему та, что стояла с тобой плечом к плечу, когда ты совершал преступление, не стоит рядом сейчас?

Не дождавшись ответа, эфор продолжил:

– Покаяние, Максимус, покаяние, столь тобой недооценённое. Аэтернитас, дитя, входи, – его голос разнёсся по всему амфитеатру.

Тонкая фигурка Аэтернитас появилась в верхних рядах. Помедлив, начала спускаться по ступеням. В самом низу она остановилась и поклонилась эфорам так низко, что её великолепные золотистые волосы коснулись тёмных камней пола. Лицо застыло маской. На Максимуса она не смотрела.

– Аэтернитас, истинно ли твоё раскаяние?

– Да, Великий эфор.

– Отрекаешься ли ты от дел мятежника?

– Да, Великий.

– Готова ли ты подкрепить своё покаяние делом?

Она всё же бросила быстрый взгляд на Максимуса, замешкалась, но, когда ответила, голос её прозвучал твёрдо.

– Да.

Эфор удовлетворённо кивнул.

– Решение Совета таково: презревшему заповедь – наказание небытие. Максимус! Ты приговариваешься к развоплощению.

По рядам Смотрителей прокатились возгласы ужаса. Они были бессмертны. Они не могли умереть ни от старости, ни от клинка, ни от заклятия; не могли сгореть, утонуть, задохнуться или прервать свою жизнь любым иным способом, что уничтожил бы других созданий Творца. Одно только развоплощение в Великой Бездне могло прекратить их существование.

Максимус и сам оторопел. Высшая мера, конец всего. Кто бы мог подумать...

– Аэтернитас! Ты тоже презрела заповедь, но раскаялась. Покаяние открывает пути, неведомые гордыне. Докажи же свою верность. Исполни приговор Максимуса – и будешь прощена и восстановлена во всех правах Смотрителя.

– Да, Великий эфор, – она снова низко поклонилась.

Максимуму показалось, что у него гора упала с плеч. Он с трудом смог сохранить бесстрастное выражение и скрыть улыбку. За себя он не боялся, но Аэтернитас не должна отвечать за его дела. Она изначально была не в восторге от идеи спасти Этру, а он её уговорил. И когда эфоры взяли их под стражу, больше всего он боялся, что Аэтернитас начнёт геройствовать и наделает глупостей, но благо ума в ней было не меньше, чем красоты. Ему уже не помочь: нет силы, способной сокрушить эфоров. А вот ей умирать совершенно незачем.

Аэтернитас будет жить, и за это он, если нужно, добровольно шагнёт в Великую Бездну.

– Максимум, желаешь ли ты сказать последнее слово? – спросил эфор.

– Нет.

– Подумай, – посоветовал эфор. – Когда Аэтернитас начнёт ритуал, слова станут недоступны.

– Нет, – невозмутимо повторил Максимум.

– Как знаешь. Дитя, возьми, – в руке у эфора возник шарик света, отделился и поплыл вниз к Аэтернитас. – Это ключ, он откроет путь к Великой Бездне. Прими его и начинай. Он подскажет, что делать.

Шарик, точь-в-точь такой, какими полнятся Вечная библиотека, опустился в изящные ладони, полыхнул и исчез в них. Аэтернитас зажмурилась, затем последовал судорожный вдох, глаза широко распахнулись, сверкнули и потемнели. Она сделала несколько шагов, встала напротив Максимуса и нараспев затянула формулу, вначале вполне обычную, какими открывались порталы – он даже не понял, отчего бы не сотворить её мысленно, – но быстро перетёкшую в нечто совершенно неведомое.

Крючки и связки, на первый взгляд абсолютно бессмысленные, цепляли и стягивали нити Силы к Аэтернитас. Пространство вокруг дрожало, изменялось, и постепенно Максимум перестал слышать её голос. Аэтернитас всё также шевелила губами, но ни единого звука из них не вырывалось. Слова исчезли, как и обещал эфор. Камни под ногами таяли, уступая место тёмной воронке, лишённой обыкновенного для порталов сияния.

Максимум предпочёл не смотреть на воронку и перевёл взгляд на Аэтернитас. В сгущающейся темноте её кожа казалась ещё белее обычного, будто бы её подсветили изнутри звёздным мерцанием. Волосы золотым облаком клубились вокруг точёного тела. Она была сейчас вспышкой молнии, разрывающей темноту. Максимум со злой гордостью подумал, что столь прекрасного палача ещё нужно было заслужить.

Аэтернитас резко уронила руки, отпуская нити Силы. Внутри у Максимуса будто бы лопнула струна. Ритуал близился к завершению, чёрная бездна, разверзшаяся под ногами, звала. Над амфитеатром мириадами огней мерцала Радужная Туманность, звёзды рождались и гасли, срывались с небес и восходили над мирами. Где-то далеко бился в агонии Этра.

Тонкие пальцы мёртвой хваткой вцепились в руку Максимуса. Заворожённый зовом Великой Бездны, он не заметил, как Аэтернитас оказалась рядом. На её лице вспыхнула улыбка. Максимум не успел осознать, что происходит, лишь краем зрения уловил хаос в рядах эфоров.

Аэтернитас шагнула в Великую Бездну, увлекая Максимуса за собой.

Ульмм вспыхнула в последний раз и взорвалась.

Волна испепелила Этру, в один миг оборвав жизни всех его обитателей.

И только золотая нить, пуповиной связавшая два мира, уцелела.

Слишком хрупкая, чтобы послужить спасительной дорогой для тех, кто жил и умер в Этре. Достаточно прочная, чтобы Сила потекла по ней от уже мёртвого Этры к Ультиму и изменила его навсегда.

Всю ночь небо Ультима пылало. Завеса из всполохов света: красных, жёлтых, зелёных – заполняла его, дрожала и волновалась, будто от несуществующего ветра. Умерли все звуки, все движения: ни шороха, ни дыхания человека, ни слова. Мир затих, замороженный сиянием небес.

Причудливый танец отблесков продолжался до самого утра, но рассвет так и не наступил. Темнота мягко опустилась на замерший мир.

Тьма была почти осязаемой, густой и плотной. Звезда Фуко висела в небе тёмным диском, увенчанным пламенеющей короной.

Так продолжалось три дня.

Темнота сгинула столь же внезапно, как и пришла. Фуко вновь засияла в небе. Но прежним Ультим уже не был.

Магия разливалась по миру, проникала в самые укромные его уголки, впитывалась в землю, растворялась в воде, рассеивалась в воздухе и сверкала в пламени. Вздурораженные стихии исторгли из себя элементалей. В лесах проснулись гианы, саламандры заплясали в огне, ундины начали резвиться в водах, а сильфы принялись носиться с ветром.

Жители Ультима не знали, что мир изменился. Магия текла сквозь них, но не задевала. Существа ходили рядом с ними, но были незримы, проявляясь лишь неясными силуэтами, таявшими, если начать в них вглядываться.

Так было, пока не появились те, кто оказался способен направлять разлившуюся по Ультиму силу. Дети Темноты. Проклятые. Наделённые Даром.

Маги.

1. Тринадцать сапфиров

Молодой князь Сергос возвращался с охоты. Добыча в этот раз превзошла самые смелые ожидания. Тринадцать звёздных сапфиров. Даже необработанные, они излучали холодный свет.

Сокровище.

Князь Штольмский владел тремя подобными камнями, все они сияли в его короне, и отец Сергоса, князь Деннард, с трудом скрывал зависть. Это при том, что Гарден был несравнимо богаче Штольма. А тут тринадцать! Настоящее сокровище.

Копия, сделанная с карты ювелира из Нойса его ушлым подмастерьем, полностью себя окупала. Хотя, когда Сергос отдал за неё полновесный золотой, Марис, его друг, сочинил целую балладу, назвал её песней о парне, что не умел считать, и подначивал Сергоса ею на протяжении всего лета. Что Марис скажет теперь?

Впрочем, обойтись сапфиры Сергосу могли и вправду слишком дорого, ведь их стражи оказались под стать самим камням. Духи часто охраняли самоцветы, и их появление было вполне ожидаемым. Но когда стражи обрели форму прекрасных дев, гиан, Сергос опешил. Дед рассказывал ему об этих Существах, но сам Сергос никогда с ними не сталкивался и к такой встрече оказался не готов.

Гианы приближались, наёмники настороженно смотрели на оцепеневшего князя, не видя, но чувствуя присутствие опасных Существ, а Сергос никак не мог спустить заготовленное боевое заклятие. Потому что уничтожить неясные тени – это одно, а ударить создание небесной красоты – совершенно другое.

Понимая, что если ничего не сделать, то и он, и его телохранители останутся в этой пещере навечно, Сергос усилием воли сбросил оцепенение. Новое заклятие сплелось на удивление быстро. Он просто подумал, что духов нужно не уничтожить, но изгнать, и влил в эту мысль всю доступную ему Силу. План сработал: гианы исчезли, а камни теперь сверкали у Сергоса в руках. Но вот сам он оказался полностью истощён и не сотворил бы сейчас и простенького заклятия, даже если бы от этого зависела его жизнь.

– По возвращении в Гарден все получают награду, – Сергос обвёл своих воинов взглядом.

По его вине они оказались сегодня на волосок от смерти, хотя и не знали об этом. Рассказывать о своём замешательстве Сергос, разумеется, не собирался, но необходимость в компенсации серебром видел ясно.

– Милорд невероятно щедр, – Винс, старший наёмников, учтиво поклонился.

Остальные довольно переглянулись.

Сергос знал, что воякам его охота за камнями представлялась чистой воды блажью. Но он не скупился на плату и, чего уж там, сам был неплохим бойцом и магом в придачу. Выходило, что умереть в его компании шансов гораздо меньше, чем хорошо заработать.

– А сейчас мы все заслуживаем доброго ужина и отдыха, – объявил Сергос. – По дороге сюда я видел постоялый двор, к вечеру, думаю, доберёмся. Предлагаю заночевать там.

– Так-то не лучшее место, милорд, – старший наёмников откашлялся. – Этот постоялый двор принадлежит Дженго.

– Это тот штольмский разбойник, что держит бордели?

– Да, милорд. Но это не совсем бордель, больше постоялый двор, хотя и бабу можно купить и кормят хорошо. Во всех заведениях Дженго так принято, – оскалился наёмник.

– По-моему, – Сергос потёр подбородок, нащупал двухдневную щетину и отметил про себя, что пора бы уже побриться, – в Штольме при желании «бабу купить» можно в любом постоялом дворе. В этом-то что не так?

– Дженго в подвале представления проводит. Я сам там, конечно, не был, – сразу отчуждался наёмник, – люди рассказывали. Вот я вам и сказал, что место не из пристойных. А представления эти... Ну, такие...

Винс явно пытался подобрать слова, чтоб не шокировать благородного нанимателя, но потом бросил эту затею.

– В общем, вам там не понравится, милорд. Там...

– Ладно, – отмахнулся Сергос, – я даже знать не хочу. Мне бы сейчас просто помыться, поесть и лечь спать. И людям твоим надо отдохнуть. Так что плевать на репутацию этого двора. Переночуем, а утром двинемся в Гарден.

К ночи добрались до постоялого двора, успев знатно продрогнуть. Месяц Падающих Листьев только начался, а в Штольме уже всё дышало осенью: с заходом солнца и следа не оставалось от дневного тепла.

Сдав лошадей конюху, они вошли. Общий зал был полон. К ним тут же подбежал усатый толстый человек в засаленном фартуке.

– Приветствую вас в нашем постоялом дворе. Ночлег, ужин, – он заговорщически понизил голос, – девочки – всё к вашим услугам.

– Ужин мне и моим людям, – Сергос проигнорировал приветствие. – Мясо, хлеб, вино, что у вас там ещё есть. Комнату с ванной мне, комнату парням. Это всё, – договорив, он нарочитым движением перебросил плащ на плечо, чтобы показался вышитый на его походном дублете герб Гардена.

Обычно он так не делал, как, впрочем, и не позволял себе не здороваться, но тут не удержался. Пусть трактирщик думает, кому девок предлагает!

– Девять серебряных, милорд, – усатый низко поклонился.

– Воды ещё кувшин. И побыстрее, – Сергос достал десять монет и сунул ему.

– Милорд так щедр, – и без того широкое лицо растянулось в улыбке, – всё будет в лучшем виде. Позвольте предложить благородному господину стол поближе к очагу? Ночная прохлада нынче коварна.

Сергос кивнул. Промозглой осенней ночью да предварительно схлопотав магическое истощение от местечка возле огня отказаться сложно. Запас Силы тепло не восстановит, но хоть озноб не будет так донимать.

Устроившись за столом, Сергос оглядел главный зал постоялого двора. Не хватало света, но обстановке это, пожалуй, шло только на пользу, потому как на неё здесь сильно не тратились: обшарпанные стены, кое-где прикрытые не лучшего вида деревянными панелями, криво висящая под дощатым потолком кованая люстра, отродясь не чищенная от воска и копоти, плохонькие столы – два больших, с десятков маленьких – и отвратительно неудобные скамейки при них – не совсем те вещи, на которые стоит обращать внимание публики.

Впрочем, такая неприглядность наполнению зала не мешала, ведь приходили сюда явно не за изысканным времяпрепровождением. За столом слева увлечённо играли в кости, напротив какой-то здоровяк опрокидывал в себя третью кружку вина подряд и попутно успевал

лапать сразу двух девиц, а соседи справа уже вполне были готовы выходить на воздух и выяснять отношения. Правда, намечалось и приобщение к искусству: в углу возился с лютней бард, под стать всему остальному помятый и уставший. Народу меж тем всё прибавлялось.

Принесли ужин. С едой здесь дела обстояли получше, чем с антуражем: жареное мясо с румяной корочкой, свежий хлеб и печёные овощи выглядели вполне аппетитно и пахли соответствующе.

– Здоровья и процветания милорду Сергосу! – наёмники подняли глиняные стаканы с вином.

Сергос тост поддержал: поблагодарил людей и сделал глоток. Вино, разумеется, кислило, но многого от него никто и не ждал. После гарденского, особенно того, которое делал лично княжеский домоуправитель, любое другое вино казалось Сергосу уксусом. Потому он сразу и потребовал себе воды.

Бард наконец наладил инструмент и затянул балладу, повествующую о Темноте. Сергос потёр виски – мало ему было пьяного гомона вокруг! Он слышал эту историю уже, наверное, с сотню раз, и сказать, что не любил её, – это не сказать ничего.

Зато еда всё-таки оказалась вкусной. Сергос отмахнулся от раздражающих стенаний барда, благо голос у того оказался слабоват, и погрузился в свои мысли, попутно расправляясь с ужином.

Мешочек с сапфирами грел душу. Ради них можно и не в одной такой дыре переночевать.

Разумеется, стоимость камней Сергоса интересовала мало: продавать или помещать сапфиры в гарденскую сокровищницу он не собирался. У него возникло несколько идей донезьзя изящных вещиц, которые он мог бы создать, оправив эти камни, но просто вкрутить такие самоцветы в корону, перстни или серьги – кошунство, да и бессмыслица. Княжья корона со звёздными сапфирами никого уже не удивит – количество не отменит вторичности идеи, другие украшения – матушка синих камней не любит, не девицам же их дарить. Был уже в их роду такой не в меру галантный кавалер – раздарил своим многочисленным возлюбленным перстней да серёжек с гарденским гербом, а потом они к нему все разом и явились требовать женитьбы – до сих пор про это похабные песенки распевают.

Да и не мог Сергос себе представить женщину, которой бы ему вздумалось преподнести звёздные сапфиры. Есть куча других самоцветов, негоже сокровищами разбрасываться.

А вот попробовать накачать эти камни магией и сделать их источником для заклятия – вот это дело. Тогда, может быть, очередной голем просуществует дольше четверти дня.

Бард, кажется, распелся. Игнорировать его жалостливые подвывания о том, как Лаума, первая из ведьм, убила свою сестру, солнцеликую Сауле, чтобы занять её место, завладеть Великим Очагом и возлечь с её мужем, Тэйвасом-громовержцем, а очаг взял и потух от такой несправедливости, становилось всё сложнее. А это ещё не началась часть о том, как Лаума после нарожала порченных детей – магов, разумеется. Свести историю грандиозного затмения к такой похабщине – это ещё надо было умудриться. И самое печальное – эта баллада почти ни в чём не спорила с тем, чему учили в храмах Светозарных.

Сергос снова оглядел зал, внезапно начавший пустеть, в поисках трактирщика. Сколько вообще он должен ждать, пока приготовят комнаты?

Усатый тут же возник рядом, бесшумно, как умеют только хорошая обслуга да убийцы.

– Милорд, – поклонился он Сергосу, – ваши комнаты готовы.

– Хорошо, как раз вовремя.

Очень хотелось помыться и завалиться спать, тело и разум требовали восстановления.

– Не желаете ли чего-нибудь ещё? У нас найдётся развлечение, которое сможет удивить даже человека вашего круга.

– О чём ты? – Сергос внутренне напрягся, памятуя о намёках наёмника о здешних развлечениях, но виду не подал.

– Сегодня дают представление, – усатый выделил последнее слово голосом и многозначительным движением бровей. – Дженго ведьму местную поймал. Она, говорят, всех мужиков в округе ворожкой своей с ума свела. И простолюдинов, и благородных развлечения ради поприволакивала. Бабы от её козней уже просто в голос выли. Дженго про это прослышал и решил её изловить да в дело её талант пустить. Девка, правда, так просто не далась – двоих его людей живьём спалила, самого его чутка подрезала, но потом он браслеты-то на неё надел – и кончилась ведьма. Вот сегодня-то с ней йодасы и порезвятся – им, ведьмам-то, с духами не в новинку развлекаться, – а мы посмотрим. Потом, если живая останется и вид товарный не потеряет, купить её на ночь можно будет да попользовать.

Усатый плотоядно облизнулся и добавил:

– Девка красивая, что спасу нет.

Сергос скрипнул зубами. Кровь застучала в ушах, кулаки непроизвольно сжались. Вот, значит, о каких представлениях шла речь. Зверство! Конечно, он знал, что люди в большинстве своём не отличаются высокой моралью. Но одно дело просто знать об этом, как о далёком отвлечённом несовершенстве мира, и совсем другое – столкнуться лоб в лоб, когда этот толстый пройдоха так буднично говорит о том, что женщину отдадут на поругание чудовищам, и люди готовы платить за то, чтобы на это посмотреть.

– Милорд желает присутствовать? – до кипящего Сергоса вновь донёсся масляный голос трактирщика. – Если да, то нам нужно торопиться. Всё вот-вот начнётся, охочих до зрелища очень много...

– Веди! – Сергос встал так резко, что усатый даже отскочил от него.

Наёмники тоже поднялись.

– О, нет-нет, пройти может только милорд! – запротестовал толстяк.

Винс вопросительно смотрел на Сергоса, остальные трое наёмников – на своего старшего.

Сергос остановил их жестом.

– Побудьте здесь.

Наёмники переглянулись и медленно опустились на свои места.

– Двадцать пять серебряных, милорд.

– Что? – не расслышал Сергос.

– Двадцать пять серебряных за вход, милорд, – со всей доступной ему учтивостью повторил усатый, – и оставьте ваше оружие.

Сергос отсчитал монеты, но вместо того, чтобы положить их в протянутую руку, швырнул на стол. Толстяк, ничуть не растерявшись, собрал серебро и выразительно посмотрел на меч Сергоса.

– Оружие я оставляю моим людям, – бросил Сергос.

– Прошу за мной, милорд.

Они прошли через заметно опустевший общий зал. Даже бард куда-то делся, хотя Сергос был уверен, что балладу тот так и не допел. Спустившись по крутой лестнице, оказались у большой кованой двери. Охраняли её разбойничьего вида стражники. Трактирщик едва заметно им кивнул, и они открыли дверь, пропуская Сергоса внутрь.

Он вошёл, ещё не до конца понимая, зачем туда идёт и что будет делать дальше. Тело жило своей жизнью, двигаясь вперёд, и разум за ним не поспевал.

Его взгляду предстал подвал, ярко освещённый настенными факелами, полный людей. Пахло пбтом, смолой и выпивкой. Особенно плотно теснились и шумели в центре комнаты. Сергос двинулся туда.

Пробравшись сквозь толпу, он вышел к краю бойцовой ямы, так он назвал для себя каменную чашу, вокруг которой собрались зрители. Яма была глубокой, с отвесными стенами. Поверху её огородили ещё и решётками, очевидно, чтобы восторженные зрители в неё не свалились.

Три бьёрка, водных духа, скользили по дну ямы, поджидая жертву. Овеществлённые, чтобы их могли видеть обычные люди. Тёмные, влажно-бугристые, под завязку накачанные какой-то уродливой магией. От них исходили эманации голода, злобы и похоти. По позвоночнику Сергоса словно проползло что-то холодное и скользкое, а потом свернулось где-то в районе груди. Подкатила дурнота, которую он не сразу и с изрядным трудом поборол.

– Начинают, начинают, – прошелестел по толпе восторженный шепоток.

Из только что открывшейся двери в стене ямы вытолкнули тонкую, хрупкую девушку, совершенно нагую, прикрытую лишь длинными волосами. Толчок был сильным, она не сохранила равновесие и упала на колени. Бьёрки заметили свою жертву и медленно заскользили по направлению к ней. Толпа заулюлюкала.

Девушка с видимым трудом поднялась. Пламя факелов играло на белоснежной коже, оттеняя многочисленные синяки и ссадины, браслеты из чёрного металла тускло мерцали. Блестящие тёмные фигуры неумолимо приближались к ней. Она, пошатываясь, пятилась, пока не упёрлась спиной в стену ямы.

Бежать несчастной было некуда.

Сергоса сковало ощущение нереальности происходящего. Он наблюдал, как пятилась девушка, как приближались к ней три тёмных бьёрка, зажимая в кольцо. Время текло как-то особенно медленно, казалось, он перестал дышать.

Он встретился взглядом с девушкой за мгновение до того, как духи набросились на неё, и мир вокруг взорвался. Сергос услышал одновременно её жалобный вопль, гомон обезумевшей толпы и, неожиданно для себя, свой собственный крик:

– Остановите это! – взревел Сергос. – Остановите!

Кровь стучала в ушах, ярость обжигала, но не находила выхода. В одиночку и без оружия стражников ему не одолеть, да и распалённая толпа в стороне не останется. Гарденский герб не поможет. А заклятия не сплести, слишком много потрачено в бою за сапфиры.

«Сапфиры», – задохнулся Сергос, озарённый догадкой.

– Кто здесь распоряжается?! Я хочу говорить с главным!

На этот раз его слышали. Дверь в стене ямы снова открылась, вышедшие из неё стражники факелами отогнали бьёрков от девушки. Со свободными духами такое бы не прошло, но овеществлённые вместе с видимым подобием плоти приобретали и обычную для неё уязвимость. Слева от Сергоса толпа расступилась, пропуская хилого женоподобного мужчину в окружении троих охранников. Узкие плечи выдавали в нём человека, не знакомого с физическим трудом или воинским искусством, а светлые глаза при смуглой коже и чёрных курчавых волосах – потомка имперцев.

«Дженго, это Дженго!» – прокатилось по комнате.

– Дорогие гости, – нараспев произнёс он, – мы прерываемся на пару мгновений. Наше представление так возбуждающе действует на некоторых гостей, что они не могут держать себя в руках.

Дженго обвёл толпу взглядом и широко улыбнулся. Толпа в ответ захохотала. Бьёрки сгруппировались в центре ямы и, издавая не то урчание, не то бульканье, наблюдали за своей жертвой, периодически шарахаясь от размахивающих факелами стражников. Девушка сползла по стене и съёжилась на полу.

– Насладитесь пока видом нашей испуганной ведьмочки, – порекомендовал Дженго. – Совсем скоро духи продолжат с ней играть и доставят ей наконец немыслимое наслаждение.

Он подошёл вплотную к Сергосу и зашипел, обдав его кислым дыханием:

– Что ты здесь устроил? Если бы я не знал, кто ты, молодой князь Гардена, ты бы уже был не жилец!

– Раз знаешь, кто я, так не бросайся угрозами, Дженго, – Сергос уже успел взять себя в руки и теперь был уверен, что демонстрирует поистине княжеское спокойствие. – Я покупаю эту женщину.

Дженго засмеялся, обнажив покрытые желтовато-коричневыми пятнами зубы.

– Этаким ты торопыга. Она не продаётся, не сейчас. После представления – пожалуйста, а сейчас – нет. Люди заплатили серебром, чтоб посмотреть, как с ней поиграют мои питомцы. И я сам, признаться, хочу на это посмотреть.

Дженго отогнул ворот рубахи и показал едва затянувшийся рубец, начинающийся от уха и уходящий вниз к груди.

– Он никогда не заживёт до конца, магический. И парней моих она поджарила...

– Думаю, я смогу компенсировать твои расходы. И душевные муки тоже.

– Даже в Гардене нет столько золота, чтоб компенсировать мои, как ты выразился, душевные муки. Она не продаётся. Это окончательный ответ.

Дженго поднял руки для хлопка, намереваясь подать знак к продолжению представления, но так и не сделал его, потому что Сергос вытащил из-за пазухи мешочек со звёздными сапфирами, развернул его и высыпал камни на ладонь.

– А кто тебе сказал, что я собираюсь платить золотом? Я хочу купить то, что не продаётся, и готов заплатить тем, чего не купишь.

Камни переливались на руке. У Дженго загорелись глаза, он потянул Сергоса в сторону, подальше от любопытных взглядов.

– Ты... Ты предлагаешь мне за дикую девку тринадцать звёздных сапфиров?

Дженго отчаянно пытался удержать бесстрастное выражение лица, но округлившиеся глаза и сбившееся дыхание выдавали его с головой.

– Молодец, быстро считаешь, – похвалил Сергос. – Надеюсь, решение ты примешь так же быстро, а не то я передумаю.

Сергос почувствовал, что владеет ситуацией. Этот Дженго был, конечно, редкостным извращенцем, получающим удовольствие от страданий других, но его алчность всё же превосходила жестокость.

– Да за такую цену ты можешь купить бордель размером с город, полный девок на любой вкус!

– Я хочу именно эту, – отрезал Сергос, – и только за эту я готов заплатить сапфирами.

Дженго сомневался, лицо его выдавало.

– По рукам! Забирай девку! – наконец выпалил он. – Тащи сюда ведьму, – это уже стражнику.

Недовольное ворчание заполнило подвал, когда ведьму забрали из ямы. Дженго окинул толпу взволнованным взглядом, прищурился.

– Если они разнесут мою таверну, это будет на твоей совести, князь.

Сергос молча ссыпал сапфиры обратно в мешочек, скрестил руки на груди, всем своим видом показывая, что беседовать о проблемах достатка разбойника он не собирается.

Когда привели девушку, Сергосу вновь пришлось собрать всю выдержку, чтобы не кинуться на Дженго с кулаками.

Маленькая, нагая, лицо скрыто тёмными спутанными волосами, коленки содраны в кровь, она бессильно висела на руках стражников. Это всё было омерзительно – израненная полубесчувственная женщина, полные похоти взгляды, обращённые на неё со всех сторон, пьющие Силу браслеты на тонких запястьях, духота подвала, отблески факелов, превращающие лица в чудовищные морды, звуки возбуждённой пьяной толпы и грубые руки, оставляющие на обнажённой белой коже пятна синяков.

«Ты заплатишь за это, Дженго», – мстительно подумал Сергос и швырнул разбойнику мешочек с сапфирами.

Тот ловко поймал его на лету, заглянул внутрь, проверяя содержимое, и удовлетворённо улыбнулся.

– Будущий великий князь Гардена невероятно щедр, – Дженго слегка поклонился. – Ещё ни разу я не продавал девку так задорого. Эта сделка стоила и моего шрама, и жизней моих людей. И даже покроет мои издержки от несостоявшегося...

– Довольно болтовни! – перебил его Сергос. – Давай покончим с этим.

– О, ну хорошо, князь. Сделка состоялась, девка твоя, – Дженго дал знак своим людям.

Ведьма с трудом удержалась на ногах, когда стражники отпустили её. Неловко попыталась прикрыть наготу освободившимися руками.

– Ох, красавица, не стоит стесняться твоего нового хозяина! – засмеялся Дженго.

Сергос тем временем снял плащ, приблизился к девушке и укутал её. Она недоверчиво глянула на него и тут же опустила удивительно светлые глаза.

– Вот что значит благородный, – не унимался Дженго, – вежлив даже с купленной шлюхой.

Сергос, проигнорировав и это замечание разбойника, обратился к девушке:

– Идти можешь?

Она, всё также не поднимая глаз, кивнула. Сергос развернулся к выходу, увлекая её за собой.

– До встречи, князь! – раздалось ему вслед. – Я всегда к твоим услугам, если снова захочешь развлечься – обращайся!

На лестнице, ведущей из подвала, девушка всё же несколько раз потеряла равновесие. Дважды Сергос успел её поддержать, а затем плюнул на всё и взял на руки. Она слабо сопротивлялась, но потом, совсем обессилевшая, просто затихла.

Телохранители ждали в общем зале, как и велел им Сергос. Если они и были удивлены тем, что он вернулся не один, то ничем этого не выдали.

Через полупустой трактир шли в молчании. Остановившись у комнаты, Сергос тихо отдал командиру наёмников распоряжения:

– Найдите какую-нибудь одежду для неё, – Сергос кивком указал на свою ношу. – И прикажи ребятам седлать лошадей, придётся провести ночь в дороге, здесь нельзя оставаться, – добавил он, памятуя о толпе в подвале, разгневанной тем, что их лишили зрелища. – Только не привлекайте лишнего внимания.

Винс кивнул, а Сергос с ведьмой на руках вошёл в комнату и прикрыл за собой дверь.

Комната не отличалась убранством, из мебели была только кровать да растопленный камин. Сергос опустил девушку на край ложа, присел рядом и начал возиться с застёжками дублета. Бросил быстрый взгляд на девушку. Та судорожно куталась в плащ, огромные глаза на бледном лице полнились страхом, и только тут до Сергоса дошло, *чем* кажутся его действия.

– О, нет, нет, нет, – он примирительно поднял ладони, – не бойся меня! Я тебя не трону. Вот, – он запустил руку за пазуху, достал небольшой тёмный пузырёк, сорвал пробку и протянул его девушке, – это эликсир из горечавки, он придаст тебе сил.

Она переводила взгляд с Сергоса на пузырёк, с пузырька на Сергоса, и весь вид её говорил о том, что она несколько не верит его словам. Диковинный напуганный зверёк с огромными зелёно-голубыми глазами и длинными пушистыми ресницами.

– Нужно уходить. Я хочу, чтобы в дороге ты хотя бы не теряла сознание. На эликсире ты продержишься до ближайшего кузнеца, который сможет снять с тебя браслеты.

– Ты собираешься снять с меня браслеты? – она наконец отреагировала на слова Сергоса.

Голос её срывался и сипел.

– Ну конечно.

– Зачем тебе это? – девушка внимательно вглядывалась в лицо Сергоса.

«Прекрасно, меня причислили к компании тех уродов», – подумал Сергос, когда понял смысл её вопросов.

– Послушай, то, что эти подонки с тобой сделали, – ужасно. То, что собирались сделать, – ужасно вдвойне. Такого никто не заслуживает! Я понимаю, что для тебя я выгляжу одним из них, но это не так.

Девушка прикрыла шею рукой, нахмурилась; тёмные, вразлёт брови сдвинулись к переносице, на гладком лбу забились венки.

– Я не знаю, как оказался в этом подвале. Услышал про эту мерзость, «представление», и просто пошёл туда... Но только когда увидел тебя, я осознал, зачем. Мне омерзительно, что я торговался с разбойниками вместо того, чтобы сразу отправить их за последний предел. Поверь, если бы я был при Силе, если бы не полез в эту пещеру и не потратил так много, я бы уничтожил Дженго, его стражу, его гостей, их всех, и забрал тебя оттуда, не пятная свою честь сделкой с бандитами! Но я истощён, я не могу сплести самого простого заклятия, не могу даже снять эту мерзость с тебя!

Сергос глубоко вздохнул, успокаивая себя, и продолжил:

– Я не сделаю тебе ничего плохого. Сейчас мы уйдём отсюда, доберёмся до кузнеца, снимем с тебя браслеты, а потом ты назовёшь место, куда тебя проводить, или уйдёшь сама, как захочешь, – и всё закончится. Пей, – он снова протянул ей эликсир.

Напряжённое лицо немного расслабилось. Чуть помедлив, она убрала руку от шеи, приняла пузырёк. Выпила.

– Вот так-то лучше, – Сергос позволил себе лёгкую улыбку. – Кстати, я Сергос, а тебя как зовут?

– Альба, – ответила девушка.

Сергос собирался было отпустить что-то вежливое про красивое имя, но в дверь постучали. Он вытащил меч, который заблаговременно вернул ему Винс, и пошёл открывать.

– Вот, милорд, одежда, – Винс протянул Сергосу небольшой тряпичный свёрток. – Она, правда, мужская, у пацанёнка с кухни купил, но должна подойти.

– Отлично, жди здесь.

– Там это, милорд... внизу толпа собирается. Я так думаю, что не надо дразнить их видом девушки, если мы не хотим драки.

– Драки мы не хотим. Заходи тогда.

Наёмник вошёл и затворил за собой дверь. Сергос отдал одежду Альбе.

– Одевайся, – сказал он и, видя её растерянность, чуть мягче добавил: – Мы не собираемся смотреть. Какие будут предложения? – обратился он уже к Винсу, отворачиваясь к камину и увлекая мужчину за собой.

– Ребята уже вывели лошадей из конюшни и ждут за воротами. Я прошёлся, посмотрел с улицы: из этой комнаты можно выбраться к конюшне, там переберёмся через сарай и спустимся за ворота.

– Так и поступим.

– Если, конечно, девушка справится, – неуверенно добавил наёмник.

– Я справлюсь.

Мужчины одновременно повернулись на голос, хозяйка которого уже успела одеться и явно чувствовала себя гораздо уверенней. К тому же начал действовать эликсир, с её лица ушла мертвенная бледность, и Сергос вдруг с удивлением осознал, что девушка очень красива. Но времени смаковать это внезапное открытие не было, поэтому он только коротко скомандовал: «Уходим!»

План Винса не подвёл: за ворота удалось выбраться быстро и без приключений. И вовремя – едва взобрались в сёдла, как во двор вывалила разгневанная толпа.

Под вопли и проклятия маленький отряд пришпорил лошадей и поскакал прочь от этого места.

2. Цветущий замок

С кузнецом ничего не вышло.

Мастер нашёлся в первой попавшейся по пути деревне, его даже удалось разбудить посреди ночи, но, взглянув на браслеты, он участливо предложил напоить девушку брагой, прежде чем рубить ей руки. Других способов снять браслеты он не знал и утверждал, что никто в округе не знает тоже.

Сергос прикинул, что в таком случае они быстрее доберутся до гарденского замка, где кузнецы явно поискуснее, чем найдут кого-то по дороге или дождутся, когда вернётся магия и Сергос сам сможет попытаться снять браслеты. На том и порешили.

Гарден показался на горизонте к вечеру следующего дня.

Дорога давалась Альбе не так просто, как побег из постоянного двора под только начавшимся действием эликсира. Она ехала на одной лошади с Сергосом, и он чувствовал, что девушка с трудом держится в седле. Браслеты пили её энергию, не давая восстановиться, а горечавка, хоть и поддерживала, но, разумеется, не могла полностью нейтрализовать их действие.

Ехали почти молча, напряжённая Альба явно не была настроена на беседу. Сергосу хотелось как-то поддержать и успокоить спутницу, но в голову не приходило ничего, кроме «не бойся, ты в безопасности» и «всё будет хорошо, я тебя не обижу», а озвучивать это казалось ему невероятно пошлым.

Но едва они подъехали к замку, Альба всё же нарушила молчание.

– Красиво, – восхищённо проговорила она.

Открывшийся вид действительно завораживал.

Несмотря на осень, Гарден утопал в зелени. По высоким стенам, беря начало на дне рва, змеились плетущиеся лозы. Они покрывали стены до самых островерхих башен плотной зелёной сетью с раскрывающимися тут и там разноцветными бутонами роз, жимолости и клематиса. Глядя на это буйство растений, можно было подумать, что замок заброшен и природа берёт своё, накрывая рукотворное живым узором. Но на стене один за другим вспыхивали огоньки, на смотровых башнях сутились человеческие фигурки, а подъёмный мост заскрипел механизмом, давая понять, что замок жив.

– Моя прапрабабка очень любила цветы, – поведал Сергос, обрадованный возможностью завести разговор, – и мой прапрадед, а он, кстати, был первым магом в нашем роду, для неё превратил замок в сад. Потом уже мой дед решил, что красота – это хорошо, но не стоит забывать об обороне, и заморозил этот живой покров на стенах. Тот, кто попытается войти в Гарден без приглашения, будет неприятно удивлён.

Мост опустился, и они въехали во внутренний двор.

– С возвращением, милорд Сергос! – стражи замка дружно отсалютовали ему.

Сергос поприветствовал их в ответ, затем обратился к своим телохранителям.

– Отдыхайте, все дела уладим завтра. И передайте от меня Джарвису, чтоб принёс вам лучшего вина!

Наёмники поклонились один за другим и, оставив лошадей подоспевшим слугам, дружно двинулись, очевидно, к Джарвису. Сергос спрыгнул с лошади, помог спуститься Альбе.

– Сергос, дружище! – прогремело у него за спиной. – Ну наконец-то! Где ты шляешься? Я приехал, а тебя нет.

Марис сгрёб Сергоса в охапку. В его понимании именно так выглядели дружеские объятия.

– Даже отец твой куда-то подевался, – продолжил жаловаться Марис. – С ним хоть поспорить можно. Тоска смертная! Я уже второй вечер уничтожаю запасы гарденского вина в оди-

ночестве! Я даже... О! – он осёкся, наконец заметив Альбу. – Да ты с дамой! Представь меня немедленно! – он выпустил Сергоса из объятий и приосанился, став ещё выше ростом.

Альба настороженно разглядывала незнакомца. Немудрено – Марис был огромен. Высокий, широкоплечий, слегка сутулый, он напоминал медведя, и на фоне Сергоса, который вполне справедливо не считал себя коротышкой, но доставал Марису только до плеча, сходство только усиливалось. А ко всему этому прилагались ещё грубые черты лица, густые чёрные брови, взгляд исподлобья да по-кошачьи жёлтые глаза. В первую встречу вид Мариса мог и напугать.

– А ты умеешь эффектно появиться, – проворчал Сергос, но скрыть улыбки всё равно не смог. – Альба, этот здоровый шумный детина – мой друг, Марис.

– Лучший и, похоже, единственный друг, – уточнил Марис. – Потому что этого зануду могу выносить только я. Рад знакомству, миледи Альба, – он поклонился и протянул ей руку.

Альба неловко оправила замызганную рубаху слуги – здесь Сергос приметил себе, что нужно распорядиться, чтобы ей нашли достойную одежду – и робко протянула руку в ответ. Сверкнул Сверкнул тёмный металл браслета. Лицо Мариса исказилось.

– Это что?! – взревел он.

Девушка вздрогнула от испуга и попыталась отдернуть руку, но хватка у Мариса была железная.

– Почему на ней эта мерзость?! Сергос!

– Долгая история. Альба была в плену у...

– А сейчас она где? – перебил Марис. – Почему ты их до сих пор не снял?!

– Успокойся, – Сергос пустил в голос стали. – Не надо смотреть на меня так, как будто мне это нравится. Не снял, потому что не смог, – добавил он мягче. – Я истощён, – Сергос поймал удивлённый взгляд Мариса. – Это долгая история, я же сказал.

Марис зарычал.

– Прости. Я просто зверею, когда вижу их. Давай другую, – обратился он к Альбе.

Она глянула на Сергоса, ища поддержки. Тот утвердительно кивнул. Альба нерешительно протянула вторую руку Марису.

– Не бойся, – он улыбнулся, и это преобразило его лицо, сгладив грубые черты. – Я выгляжу страшным и бываю грубоват, но я не обижаю девочек.

Альба улыбнулась ему в ответ. Сергос про себя отметил, что улыбка очень ей идёт: она проявляла на щеках Альбы едва заметные, но совершенно очаровательные ямочки.

Марис коснулся браслетов и скривился. Прикрыл глаза, от его пальцев побежали белые искорки. Они облепили браслеты, и по металлу пошли мелкие трещины. Лоб Мариса покрылся испариной, по лицу прошла гримаса боли. Браслеты под его руками вспыхнули и рассыпались в пыль.

Альба покачнулась, но Марис ухватил её под локоть и удержал от падения.

– Держись, я знаю, как это бывает, сейчас пройдёт.

– Знаешь? – удивилась она.

– Угу. Я провёл в таких штуковинах десять лет. То ещё удовольствие. Чувствуешь себя как ныряльщик, резко всплывший с большой глубины, – голова кружится, уши закладывает и мутит.

– Как ты это вынес? – ошеломлённо проговорила Альба.

– Да как, характер вот испортился, – отшутился Марис. – У меня, кстати, были не такие мощные, я в своих мог даже трюки с монетами показывать.

Марис отпустил руку Альбы и вытер пот со лба.

– Тебе сейчас надо поспать. Тебе, Сергос, тоже. Ну, а мне надо ещё выпить. Пойду проверю, что там ещё припрятал Джарвис, – Марис развернулся и пошёл в сторону замка.

– Меня дожись, я скоро, – бросил ему вдогонку Сергос.

Марис не оборачиваясь помахал рукой и ускорил шаг.

– Ты как? – обратился Сергос к Альбе.

– Как будто заново родилась, – пожала плечами она.

Выражение лица и движение слабо соответствовали словам, и Сергос понял, что хоть девушка и стала разговаривать да разок улыбнулась, она ещё даже не начинала отходить от потрясения.

– Хорошо, если так. Пойдём, я провожу тебя до твоих покоев. Марис прав, тебе сейчас нужно выспаться.

Вечерние сумерки уже опустились на Гарден, но в месяце Падающих Листьев ночь не сменяла их мгновенно, и света было ещё достаточно. Альба осматривалась с явным интересом. Всюду вдоль вымощенных брусчаткой дорожек были разбиты клумбы с разными цветами и кустарниками: гортензиями и розами, вейгелой, бересклетом, жасмином, шиповником и самшитом. Воздух наполняли их ароматы. Там и тут начинали мерцать огоньки светлячков.

– Эти тоже убивают каждого, кто к ним прикоснётся? – спросила Альба, кивнув на цветы.

– Нет, эти обычные, только цветут круглый год.

– А светлячки? Их так много только в лесу бывает... И никак не осенью.

– Наш сад отчасти сросся с лесом, что начинается за замком. Из твоих покоев есть туда выход, увидишь. А так они и зимой не прячутся – та же магия, что и цветы поддерживает.

Стражники приветствовали их и шустро распахнули перед ними двери замка. Сергос ответил кивком и галантным жестом пригласил Альбу войти. Они прошли через большой зал, ещё не полностью освещённый. Слуги сновали туда-сюда, зажигая свечи. Завидев Сергоса, они приветствовали его, и он отвечал каждому.

– Мы на месте, – Сергос остановился у двери в конце галереи и открыл её перед Альбой. – Располагайся, я сейчас пришлю слуг, можешь ими распоряжаться. Что-то понадобится – скажи им, не стесняйся. Ну вот... А я пойду посмотрю, как там Марис.

Сергос попрощался кивком и развернулся, чтобы уйти. Ему виделось, что нужно избавиться Альбу от своего общества как можно скорее и дать ей прийти в себя в одиночестве.

– Сергос, подожди.

От звука своего имени, произнесённого Альбой, у него на мгновение перехватило дыхание. Он замер, смущённый своей неожиданной реакцией, потом обернулся.

– Спасибо, – Альба заглянула ему в лицо.

Сейчас в её глазах больше не было того страха загнанного зверька, она смотрела прямо и открыто, и, встретившись с ней взглядом, Сергос смутился ещё сильнее. Вдруг вспомнилась фраза усатого проходимца: *«Всех мужиков в округе ворожкой своей с ума свела»*.

«Глупость какая!» – одёрнул себя Сергос.

Какая ворожба? Она прекрасна от природы, вот и вся ворожба. Он заметил это ещё в постоялом дворе, мысль мелькнула и погасла, не до того было. А вот теперь, в безопасности, она снова всплыла, оформилась и потребовала к себе внимания. И сейчас, вглядываясь в глаза Альбы – светлые, ясные, с широкими кольцами вокруг радужки – Сергос осознал, что она невероятно привлекательна. Ни вновь разлившаяся по её лицу бледность, ни залёгшие под глазами тени, ни жалкая мужская одежда не умаляли её красоты.

– С тобой всё хорошо?

Голос Альбы донёсся до него словно сквозь толщу воды.

– А... Да, разумеется, – Сергос встрепенулся, осознав, что всё это время пялился на неё с, несомненно, глупейшим выражением лица. – Мне просто тоже надо поспать.

Он замер на мгновение, потом лёгким и коротким движением дотронулся до её руки чуть повыше локтя.

– Доброй ночи! – и Сергос быстрым шагом пошёл прочь по галерее.

– Ну, рассказывай, друг мой, – потребовал Марис, едва Сергос обнаружил его на террасе, выходящей в сад.

Он потягивал вино, развалившись в кресле. Свечного фонаря, что стоял на столике, Марису явно не хватило – над головой кружил магический огонёк.

– Чего Силу зря тратишь? – Сергос опустился в кресло напротив. – Позови слуг, пусть зажгут ещё фонарей.

– Думаю, что в доме моего друга я могу расслабиться и не трястись над каждой каплей магии, – большая ладонь сделала сложный пасс в воздухе. – И света хватает – чтобы пить вино, его много не надо. Мне так просто лучше думается, – Марис сделал глоток. – Ты не уходи от темы, рассказывай. Я хотел выпытать у твоих наёмников, что произошло, но они несут какую-то чушь.

Сергос налил себе вина из наполовину опустошённой Марисом бутылки и начал рассказ.

Первую часть Марис слушал с интересом, но почти молча, заметив только, что та самая песенка больше не посвящается Сергосу и вообще отжила своё, а вот при переходе ко второй он стал отзывать отборной бранью на каждое слово.

– Ублюдки! – в очередной раз выплюнул он, когда Сергос замолчал. – Они с ней что-нибудь сделали?

– Откуда я знаю? – Сергос развёл руками. – Не мог же я у неё спросить.

– Ну да, – Марис потёр лоб.

– Надеюсь только, что деньги их интересовали больше, чем всё остальное. Они же хотели её ещё после продать, не должны были... портить товар, – Сергос поморщился от отвращения.

– Ну да, бьёрки ж в яме её бы не испортили, – Марис тряхнул лохматой головой. – Она, судя по всему, не из какого-нибудь Круга, одиночка?

– Похоже на то.

У Сергоса в горле пересохло, и он вспомнил о вине, к которому так до сих пор и не при-
тронулся. Золотое гарденское, плотное и маслянистое, разлилось по языку нотками персика, цветочного мёда и ванили, прогнало по телу приятную горячую волну. С кислотинной, которую подавали в постоялом дворе, оно не шло ни в какое сравнение, и Сергос подумал, что даже за то, что он просто вспомнил о дурном вине, попивая джарвисово, домоуправитель обиделся бы на него до смерти.

– Ей нельзя пока возвращаться домой, – заключил Марис. – Она сейчас даже не сможет себя защитить. Боевые заклятия ещё некоторое время будут ей не под силу. Хотя дома у неё теперь, скорей всего, тоже нет.

– Может, у неё есть какое-то другое безопасное место? – предположил Сергос. – Завтра спрошу.

– Сергос, – Марис горько усмехнулся, – она женщина. Хорошенькая молодая женщина, наделённая Даром, к тому же не из благородных. Для неё не существует безопасного места, пока ублюдки вроде Дженго разгуливают по миру с тёмными браслетами в кармане. Они ненавидят нас, Сергос, ненавидят и боятся. Ты благородный князь, и твоего имени достаточно, чтобы держать их в узде, ты этого не замечаешь. Если ты родился аристократом, твой Дар

воспринимают как мелкий недостаток, бывающий полезным в бою. Но есть те, кому повезло меньше. Это же ужасно, Сергос! Мы, наделённые великой Силой, не всегда можем защититься от толпы с вилами... – Марис залпом допил своё вино и откупорил следующую бутылку.

– Я замечаю, Марис, – Сергос поднял бокал на свет фонаря – Я способен видеть дальше своего носа. Но ведь не все люди ненавидят нас.

– Все, друг мой, все. Когда меня, как зверя, таскали по ярмаркам, я видел сотни, тысячи глаз. И во всех читалось одно: «Урод, нелюдь, отродье». Они и на тебя так смотрят, просто скрывают. И на неё. Мужиков она привораживала. Ха! Красивая девчонка, вот бабё и взяла зависть. Только будь она обычной, они б поохали, позавидовали и успокоились. И мужики, которые на неё слюни пускали, обычную девчонку бы всяко от разбойников отбили и на поругание не отдали, уж кто-нибудь бы да возмутился. Но за ведьму никто не заступится. И знаешь, что во всём этом самое страшное? Эти браслеты... Ведь их создаёт кто-то из нас. Духов этих поймал, овеществил и натаскал тоже кто-то из нас, – Марис закрыл лицо ладонями. – Кто-то из нас ненавидит нам подобных ещё сильнее, чем обычные люди.

– Об этом не очень приятно думать, – Сергос поёрзал в кресле, – но Дар случаен. И не всегда попадает в достойные руки. Отчасти именно поэтому простой народ так настороженно к нам относится.

– Настороженно! – хмыкнул Марис. – Обожаю твою деликатность!

– Но ведь сейчас всё гораздо лучше, чем сразу после Темноты. Люди привыкают к нам. Никто уже не убивает детей из-за того, что они отмечены. А два столетия назад убивали. Волосы дыбом встают, когда читаешь хроники тех лет, – Сергос ослабил застёжки дублета на груди, чтобы дать себе больше воздуха.

Он ещё не переделся, и в комфорте дома дорожная одежда начинала мешать.

– Конечно. Нынче принято продавать их в балаганы или дожидаться, пока они подрастут, и насиловать. Или не дожидаться.

– Дженго ублюдок, но он ведь не все люди.

– Ну да, и маг, который ему помогал, не все. И зрители его представления не все. И мои родители, в конце концов, это же ещё не все, верно?

Сергос не нашёл что ответить.

– Ладно, дружище, не смотри на меня так жалостливо. Больная тема, старые раны. Вскрыла эта девочка что-то во мне. Кстати, мне кажется, она эмпат.

– А с чего ты взял?

– Ну, мне так кажется, – Марис пожал плечами. – Глаза у неё такие, внутри тебя будто бы смотрят.

– Вообще да, – кивнул Сергос, – взгляд у неё пронзительный. Может, и эмпат.

Дар иногда проявлялся тоньше, чем просто умением повелевать стихиями и извлекать пламя из пальцев. Были и те, чьё зрение отличалось от зрения большинства магов так же сильно, как зрение магов – от людского. Эмпаты и сновидцы. Первые обладали способностью читать души и видеть чужие мысли, вторые могли отыскать дорогу к последнему пределу и, что самое главное, обратно, попутно погуляв по снам. Ещё считалось, что и те и другие предвидят и пророчествуют. Эмпаты встречались нечасто, сновидцы и того реже. Хотя Сергос подозревал, что дело ещё и в том, что о таких талантах просто могли не распространяться. Это только вещественные проявления Силы невозможно долго скрывать – она всё равно прорвётся спонтанно, а такие – пожалуйста.

– Ты сам-то как? – спросил Марис.

– Сносно, – Сергос откинулся в кресле. – Думаю, за пару дней восстановлюсь. Надо просто впредь лучше себя контролировать, а то запаниковал – и вот, не рассчитал силы.

Стемнело окончательно. Светлячки приняли марисов огонёк за одного из своих, и теперь в воздухе над террасой висело целое облако мерцающих искр. Где-то в зарослях шиповника запели сверчки, в глубине сада на пруду подхватились лягушки.

– Как тебе вообще в голову взбрело изгонять их, а не просто уничтожить?

– Мне это показалось правильным. В конце концов, ведь я пришёл к ним со злом, а они просто защищали своё сокровище.

Рядом просеменила служанка.

– Милорд Сергос, – она поклонилась, – Марис, – тут к поклону прибавилась ещё и смущённая улыбка на веснушчатом лице. – Прошу прощения, что прерываю. Вот, принесла вам. Прохладно уже.

Девушка протянула им тёплые накидки.

Сергос не смог с ходу вспомнить её имя и поблагодарил просто кивком, а вот Марис не растерялся:

– Ола, милая, – расплылся он, – такая забота очень приятна. Благодарю.

Служанка зарделась и спешно удалилась, позабыв даже спросить у Сергоса, не нужно ли ему что-нибудь ещё. Хотя обычно не забывала. Княжеский домоуправитель строго следил за выучкой слуг.

Марис проводил её мечтательным взглядом.

– Не вздумай даже, – предупредил Сергос. – Она какая-то там племянница Джарвиса.

– А что я? Я ничего такого не делаю, просто поблагодарил девушку. Так о чём мы говорили? – Марис почесал нос. – А, про гиан. Знаешь, с таким трепетным отношением к природе тебе лучше завязывать с походами. Из одного ты не вернёшься, – посулил он, отхлебнув вино. – А мог бы ведь и девушку спасти, и сапфиры сохранить, и уродам этим навалить. И был бы перед ней весь такой князь-герой.

– Зачем мне это? – удивился Сергос.

– Не знаю, я, например, люблю в глазах симпатичных девушек выглядеть героем.

– А она симпатичная? – Сергос потёр затылок. – Я как-то не обратил внимания, – зачем-то соврал он.

К сверчкам и лягушкам прибавился соловей. Марис весело прищурился.

– На мой вкус – так очень.

3. Странный князь

Альба спала без сновидений, глубоким тягучим сном, и в первые мгновения после пробуждения не сразу поняла, где находится. Близился полдень – солнечный свет заливал комнату через высокие узкие окна.

Она села в кровати, огляделась, и память услужливо развернула перед ней события последних дней. Картинки того, что было, перемежались ещё более ужасными картинками того, что могло случиться, где-то в животе скручивался тугой комок, а по коже бежали ледяные мурашки. Волевым усилием Альба остановила поток мыслей, повела плечами, будто стряхивая их с себя. Хотелось смыть этот страх и дорожный пот. Вчера она не раздеваясь упала в кровать и сразу забылась сном, так и не найдя сил искупаться.

Ванна, вырезанная из цельного куска белого камня, была по-прежнему наполнена. Альба уже и не помнила, когда в последний раз видела ванну, – у неё дома такого добра, разумеется, не водилось, а столь искусно сделанной не видела вообще никогда, даже у таких богачей, как господин Урмас и госпожа Сола.

Она тронула воду рукой и поёжилась, вспомнив прикосновение бьёрка.

– Дашь страху укорениться и будешь бегать от него всю жизнь, – сказала она себе. Сняла рубаху, стянула штаны и, бросив одежду на пол, залезла в ванну. От резкого погружения в холодную воду перехватило дыхание. Альба заставила себя медленно выдохнуть и расслабить тело. Прикрыла глаза, глубоко вдохнула, погрузилась с головой и пробыла под водой, сколько хватило дыхания. Вынырнула, прислушалась к себе.

Страх исчез. Вместо него чуть пониже груди приятно покалывало и щекотало – магия возвращалась, наполняла её, разносилась по телу вместе с кровотоком. Альба провела рукой над водой и вытянулась. От воды пошёл пар. И пусть это было всё, на что она сейчас способна, но ощущение беспомощности покинуло её вслед за утонувшим страхом.

На краешке ванны лежало мыло, тоже безумно дорогое, рийельское. Альба знала его, потому что однажды такое ей подарил отец. Она ещё очень ругала его за то, что так потратился. Но и запомнила подарок надолго. Мыло делалось из масла оливы и ценилось тем больше, чем дольше выдерживалось, а кожа и волосы от него становились очень мягкими и гладкими. Альба берегла свой кусочек, как сокровище, здесь же такого мыла была целая корзинка.

Она оттерла кожу, тщательно промыла волосы и сразу почувствовала себя ещё лучше. Камин не горел, но рядом с ванной нашлись отрезки мягкого полотна, которыми Альба смогла высушить волосы.

Платье из бархатистой, очень приятной на ощупь ткани – такой Альба никогда не носила, – приготовленное для неё слугами, оказалось великовато, но, когда она подхватила его поясом, получилось вполне неплохо. Одеться, да ещё и в чистое, а не в обноски кухаря, вообще было приятно. С момента, как её пленили, и до того, как Сергос прикрыл своим плащом, она целую вечность пробыла нагая, и как бы Альба ни терла кожу, смывая грязь грубых рук и соскребая липкие взгляды, она до сих пор чувствовала их на себе. Касания же мягкой ткани платья к ещё влажному от купания телу медленно, но притупляли эти ощущения.

О гребне слуги тоже не забыли – Альба обнаружила его рядом с платьем. Она присела на кровать и принялась расчёсывать волосы. Её сознание зацепилось за мысль о Сергосе. Этот князь казался странным. Выкупил её у бандитов... Зачем? Из слов Дженго, которые она помнила, выходило, что речь шла о какой-то баснословной сумме. Получается, князь выкупил женщину, которую видел первый раз в жизни, за огромные деньги, чтобы потом просто отпустить на все четыре стороны? Как-то слишком хорошо, чтобы быть правдой... Хотя своё обещание снять браслеты он выполнил. И вёл себя с ней как с благородной дамой, не оскорбив ни словом, ни взглядом.

«Ну, браслеты с тебя снял Марис, а собирался ли князь выполнять своё обещание, ты не знаешь, – вмешался ехидный голосок недоверия. – Ты вообще ничего о нём не знаешь. А как он смотрел на тебя вчера перед уходом... Ни словом, ни взглядом, как же».

Альба отогнала эти мысли. Он мог сделать с ней всё что угодно, ещё в том злосчастном постоялом дворе, или по дороге сюда, или уже в замке прошлой ночью. Но не сделал же! И в его вчерашнем взгляде и прикосновении, следовавшем за ним, не чувствовалось угрозы. В этом она совершенно точно уверена: хоть Сила и возвращалась медленно, но способности эмпата работали прекрасно и подсказывали ей, что ни Сергос, ни Марис для неё не опасны.

Хотя Мариса вчера она всё-таки немного испугалась. Такой огромный, лохматый, волосы как смоль, глаза, что у лесного кота – и по цвету, и... хищные. Сергос на его фоне выглядел приятнее: стройный, жилистый, тоже темноволосый, но у него волосы и короче были, и лежали аккуратнее. И взгляд – серо-голубые глаза князя, не холодные, несмотря на цвет, выражали и спокойствие, и доброту.

Влетевший в покои тёплый, совсем не осенний, ветерок всколыхнул шторы, и Альба увидела за ними выход на террасу, похоже, тот самый, о котором говорил Сергос. Значит, оттуда должен быть виден сад.

Она быстро обулась и направилась к выходу, по дороге прихватив из вазы с фруктами большое яблоко. Остальную еду, что приносили вчера и к которой Альба так и не притронулась, убрали. Сейчас она бы пришлась очень кстати, но в княжеском замке, очевидно, холодного не ели.

С террасы открывался потрясающий вид на сад. От лестниц по обе стороны от неё через поляну цветов бежали вымощенные тропинки. В центре раскинулся большой пруд, через него были перекинuty навесные мостики, а посреди стояло изящное сооружение, напоминавшее беседку. За поляной первой широкой полосой росли невысокие деревья с ветвями, гнущимися под весом плодов, а дальше начинался самый настоящий лес, тропинки уходили в него и терялись в зелени.

При взгляде на всё это великолепие не верилось, что в остальном мире уже началась осень. Альба вспомнила, что когда-то отец рассказывал ей о магии гарденского замка, о его неувядающих цветах. Он знал об этом только по рассказам и слухам, но мечтал увидеть своими глазами.

Теперь Альба глядела на Гарден изнутри и не могла оторваться от волшебного вида.

Сергос, который упражнялся с мечом неподалёку, заметил Альбу раньше, чем она его. Оставив своё занятие, он направился к террасе. Но на полпути, на середине лестницы, остановился и совершенно невольно залюбовался девушкой.

Простое светлое платье – очевидно, всё, что удалось найти слугам, не рискнувшим трогать гардероб княгини, матери Сергоса, даже по его прямому указанию – явно было велико Альбе, но, перехваченное поясом на талии, делало её ещё более хрупкой и удивительным образом ей шло. Ветер перебирал её слегка волнистые каштановые волосы, она же не обращала на это никакого внимания, задумчиво вгрызаясь в яблоко и глядя на сад. Осеннее солнце зали-

вало всё вокруг тёплым светом, и Альба, прикрыв глаза, подставила лицо его лучам. Все движения девушки были так свободны, так естественны, что завораживали.

Сергосу подумалось, что на неё можно глядеть вечно, как на пляшущее пламя или на текущую воду, каждый раз замечая всё новые тени, отблески и переливы, неуловимые и потому ещё более прекрасные.

Не желая того, он вспомнил её в яме, и в нём поднялась волна злости. Тронуть такое хрупкое создание, надругаться, измариать – непростительно. Сергос должен был спалить их дотла, а они всё ещё ходят по свету. Вернуться, что ли, туда при Силе?

Похоже, он так долго смотрел на девушку, что его взгляд стал осязаем. Альба почувствовала присутствие, вздрогнула, повернулась в его сторону. Безмятежное выражение лица сменилось настороженным, яблоко выскользнуло из руки и улетело за перила террасы. Проклинаю свою бестактность, Сергос тремя широкими шагами преодолел остаток лестницы.

– Не хотел тебя пугать. Думал, ты меня заметила раньше, – зачем-то снова соврал он в своё оправдание.

Ну, в самом деле, не признаваться же, что он просто стоял и глазил на неё.

Хотя это тоже не дело: не имея привычки кривить душой, он уже во второй раз говорил неправду с ходу и не задумываясь. Вчера Марису, сегодня Альбе. Прямо нашло на него что-то. Ещё и за руку её вчера схватил, как какой-то мужлан.

– Ничего, – она скрестила руки на груди, но лицо её расслабилось, – я не испугалась... милорд.

– Какой я тебе милорд? – возмутился он. – Просто Сергос.

– Но это совсем не...

– Альба, просто Сергос. Договорились?

Она кивнула.

– Как себя чувствуешь? Выглядишь прекрасно, – Сергос не удержался от комплимента, хоть и постарался облечь весь свой восторг в сдержанную форму.

Уголки её губ едва заметно дрогнули. Или ему показалось?

– Хорошо, спасибо, – она перевела взгляд с лица Сергоса на сад. – Так красиво.

– Если хочешь, – спохватился он, – после обеда можем пройтись, я тебе всё здесь покажу. Ты же пообедаешь со мной? – и тут же ударил себя по лбу: – Ну что за чушь я несу, конечно, пообедаешь, ты же совсем ничего не ела. Пойдём! – Сергос развернулся вполоборота и сделал рукой приглашающий жест.

Альба последовала за ним. В обеденном зале их встретил управитель замка Джарвис, как всегда подтянутый и прибранный, с аккуратно подстриженной бородой, всё ещё тёмной в отличие от гладко зачёсанных седых волос.

– Милорд, миледи, – мужчина поклонился. – Прикажете подавать обед? – обратился он к Сергосу.

– Да, Джарвис, подавай. Мы очень голодны.

Домоуправитель кивнул куда-то в сторону, и по залу засуетились слуги. Сергос пригласил Альбу за длинный стол.

– Какое вино прикажете подать к обеду?

– На меня не рассчитывай, Джарвис, я даже думать не могу о вине. Только-только перестала голова болеть. Порекомендуй лучше что-нибудь миледи Альбе.

Альба покачала головой.

– Ну, значит, сегодня без вина, – развёл руками Сергос. – Приложимся к запасам гарденских подвалов как-нибудь в другой раз.

– Если ваш глубокоуважаемый друг от них что-нибудь оставит, – проворчал управитель.

– О, Джарвис, не ворчи, – рассмеялся Сергос. – Марис – самый преданный твой поклонник. Кстати, он ещё не вставал?

– Нет, милорд. Хорошо, если мы сможем лицезреть его к ужину, – мужчина поджал губы и добавил: – Ему нездоровится.

– Мне кажется или ты злорадствуешь? – весело прищурился Сергос. – Ты же принял все возможные меры, чтобы помочь ему?

– Я велел отнести ему бульон, отвар из шиповника и побольше воды, – Джарвис был невозмутим, – родная мать не сделала бы для него больше.

– Спасибо, Джарвис, – протянул Сергос.

– Я делаю это только из уважения к вам, милорд, – управитель поклонился. – Не буду вам мешать.

Сергос улыбнулся и покачал головой ему вслед.

– Ты только не подумай, что Марис какой-то там пьяница, – обратился он к Альбе. – Джарвис склонен всё преувеличивать.

Альба кивнула. А потом спросила:

– То, что Марис сказал вчера про браслеты, это правда?

Сергос посерьёзnel и молча кивнул.

– Как это произошло? – она обхватила себя одной рукой.

– Его родители были обычными людьми, – Сергос подбирал слова. – Когда у ребёнка проявился Дар, ну, сама знаешь, первые проявления магии стихийны, и если рядом нет того, кто может объяснить, научить... – он нахмурился. – В общем, они... испугались, наверное. И продали его балаганщику.

Глаза Альбы расширились.

– Там его заковали в браслеты, – продолжил Сергос, – возили по ярмаркам, показывали народу. Ему попались какие-то слабые, он мог в них немного колдовать, всякие зрелищные штуки делать. А потом ему удалось сбежать. Наткнулся на Круг Ведьм, и они его освободили.

– Это ужасно, – Альба нахмурилась и убрала волосы за ухо. – Столько лет в браслетах... Даже если слабые, они всё равно истощают. И обрекли его на это самые близкие люди.

– Да, – Сергос передёрнул плечами.

Альба поёрзала на стуле.

– А вы давно знакомы?

– Лет пять. Марис тоже лазает по пещерам, собирает редкие камни. Ну, если быть точнее, это я «тоже лазаю по пещерам», а он этим живёт и зарабатывает на жизнь. Вот во время одной из таких вылазок мы и познакомились. Сначала, как водится, не поделили территорию, а потом как-то сдружились. И это большая удача – иметь такого друга, как он.

– Неожиданно, – она склонила голову набок.

Сергос задумчиво повёл подбородком.

– Князь, который гордится дружбой с простолюдином, – пояснила Альба. – Такое нечасто бывает.

– Я могу презирать аристократа, если он подл и бесчестен. И могу уважать достойного простолюдина. Не всё определяется происхождением. К тому же какие сословные различия могут встать между теми, кто уже объединён Даром?

– Никаких, дружище, никаких, – Марис появился в зале со всей свойственной ему внезапностью.

Вид он имел слегка помятый, щетиной зарос сильнее вчерашнего, но, похоже, был в бодром расположении духа. Усевшись за стол, он лучезарно улыбнулся Альбе и доверительно сообщил:

– Вот за это я его и люблю. Единственный аристократ, в голове которого обитают здравые мысли. Князь Деннард, правда, однажды лишит его наследства за столь вольные взгляды и в назидание объявит Джарвиса следующим князем Гардена, но это уже совсем другая история.

Сергос не без зависти отметил, что Марису опять удалось вызвать у Альбы улыбку. Уже во второй раз.

– Я так посмотрю, ты отлично себя чувствуешь, – подхватив ироничный тон Мариса, заметил Сергос. – А Джарвис убеждал нас, что тебе нездоровится и раньше ужина мы тебя не увидим.

– Твой домоуправитель в очередной раз меня оболгал, – пожал плечами Марис. – Но я не держу на него зла, за его винодельческий талант ему можно простить и не такое. Как ты? Магия возвращается? – обратился Марис уже к Альбе.

– Возвращается, – кивнула она, – но медленно.

– Ну, это нормально. Ты молодец, – добавил он. – Сергос сказал, что ты здорово отделала этих подонков, прежде чем им удалось надеть на тебя браслеты.

– Я защищалась, – сдавленно произнесла Альба, – и не очень успешно.

Сергос почувствовал повисшую неловкость и перевёл тему. Совсем не хотелось смущать Альбу тем, что они обсуждали произошедшее с ней. Она, разумеется, и так понимает, что о ней говорили, но Марис мог бы проявить и больше чуткости.

– Я обещал Альбе показать сад после обеда, ты с нами?

Марис на мгновение задумался, прищурился и покачал головой.

– Нет, я пока тут посижу. Может, присоединюсь к вам позже. Быстро вы сад всё равно не обойдёте.

– Я рассказал ему в общих чертах, – начал Сергос, когда они с Альбой оказались в галерее, – без каких-то там подробностей относительно...

– Ты не похож на того, кто стал бы смаковать подробности, – перебила она.

– Я к тому, что... – Сергос стушевался под её внимательным взглядом. Потом, взяв себя в руки, продолжил уже уверенней: – Тебе не стоит стыдиться того, что произошло. Ты в этом не виновата.

Повисла пауза. Сергос не стал её нарушать, и в сад они уже вышли в молчании. Альба кусала губы и хмурилась, явно о чём-то задумавшись.

Они миновали клумбы с пёстрыми облаками гортензий и пышными бутонами роз, заросли вейгелы, аллею душистого жасмина и остановились у птичьей купальни. Понаблюдав за троицей взъерошенных воробьёв, резвящихся в резной чаше, Альба наконец снова завела разговор:

– Я никогда раньше не убивала, – проговорила она, отведя глаза куда-то в сторону, – я отняла жизни и всё равно не смогла защититься. Выходит, отняла напрасно.

Она провела ладонью по краю чаши. Пичуги, к удивлению Сергоса, не испугались, более того, один из воробьёв оказался смелым настолько, что вспорхнул на руку Альбы и начал отряхиваться.

– Ты защищалась, – Сергос выделил голосом второе слово. – И не стоит себя корить за то, что избавила мир от пары зверей, язык не поворачивается называть их людьми. В землях Гардена их бы всех повесили.

Альба дёрнула рукой, и воробей всё же улетел. Взглянула на Сергоса, прищурилась.
– Пойдём дальше? – предложил он, чтобы немного отвлечь её от тягостных мыслей.
Она убрала выбившуюся прядь волос за ухо и кивнула.

Жасмин по бокам тропинки сменили карликовые краснолистные яблони. Пока Сергос придумывал, что бы такого рассказать, Альба заговорила сама:

– Это ещё не всё, – она снова закусила губу. – Мне понравилось. Когда они горели, я чувствовала себя такой сильной, такой могущественной...

Сергос вспомнил, как сам впервые использовал магию в бою. Это же был и единственный раз, когда он отнял жизнь.

В то лето он путешествовал по Рийелю. С телохранителями, всё как полагается. На тракте они наткнулись на разбойников, грабивших торговый обоз. Охранников торговца те уже убили и теперь измывались над ним и семьёй. Сергос потребовал прекратить, слов разбойники, конечно же, не поняли, завязалась драка. Люди Сергоса быстро скрутили троих, но четвёртый успел рвануться к беременной жене торговца, закрыться ею и приставить клинок к её животу.

Телохранители не могли подобраться ближе, не рискуя жизнью женщины и нерождённого ребёнка, мерзавец прекрасно это понимал.

Сергос не выдержал – он дёрнул из воздуха двух сильфов и задушил подонка прежде, чем тот успел опомниться. И... Сергос ни капли не жалел о том, что сделал.

– Битва пьянит, – сказал он Альбе. – Обычные ощущения. Просто ты испытала это впервые.

Альба прерывисто вздохнула.

– Отец всегда говорил мне, что мы должны быть снисходительны к простым людям, что большая сила рождает большую ответственность.

– К людям, Альба, к людям, – Сергос поднял указательный палец. – А это звери. И они недостойны ни жалости, ни снисхождения.

Перед ними раскинулась рукотворная вересковая пустошь, пурпурно-розовая, благоухающая горьким мёдом. За ней начинался лес.

Альба остановилась, перемялась с ноги на ногу.

– С ними был маг...

Сергос остановился тоже.

– Наличие мага в шайке бандитов дарует им индульгенцию и делает все их поступки достойными?

– Нет, но...

– Я всё время напоминаю об этом Марису, – Сергос заглянул ей в глаза, – и сейчас скажу тебе – Дар не отмечает лишь достойных людей. Подлец тоже может обладать Даром и использовать его во зло.

– Когда он надел на меня браслеты, то сказал, что спасает меня и мир от меня, – растерянно проговорила Альба. – Весь его облик был каким-то странным, была в нём какая-то неправильность...

– Альба, я повторюсь, тебе не за что себя винить и нечего стыдиться. А маг, готовый надеть на собрата браслеты, помогая бандитам и при этом приговаривая что-то о спасении, ну что о нём говорить? – Сергос развёл руками. – Причины его поступков явно нужно искать в нём самом, а не в тебе. Или, может быть, – он прищурился, – они вовсе не бандиты, а воины в белых одеждах во главе со светлым магом и действительно пришли избавить несчастных людей от страшной ведьмы, которая поутру ест детишек, а вечерами соблазняет добропорядочных мужей?

– Нет, это не так, – очень серьёзно сказала Альба, глядя ему в глаза.

Иронии она, похоже, не оценила.

– О чём ты тогда переживаешь? – мягко спросил Сергос.

Альба неопределённо пожала плечами и отвела глаза. Она была так беззащитна в этом жесте, так серьёзна и растеряна одновременно, что Сергоса накрыло волной умиления. Чувство искало выход, и он не удержался: потянулся к ней и легонько сжал её пальцы. Альба чуть вздрогнула от неожиданности, резко взглянула на Сергоса, замерла, но всё же не отстранилась.

– Послушай, – страха или возмущения на её лице он не увидел, поэтому руку сразу отнимать не стал, – постарайся забыть это всё как страшный сон. Сейчас ты в безопасности и можешь оставаться в Гардене сколько угодно.

– Не могу, – завертела головой Альба, – мне нужно домой.

Она высвободилась и сложила руки на груди.

– Почему не можешь? – спросил он и тут же добавил, озарённый догадкой: – У тебя дома близкие, за которых ты волнуешься?

– У меня нет близких. Только кот. Но он, наверно, убежал, когда они подожгли дом, – её губы дрогнули. – Надеюсь, что убежал.

– И зачем тебе тогда возвращаться? И куда?

Сергос вдруг осознал, что должен во что бы то ни стало убедить её остаться. Потому что ему нужно быть уверенным в её благополучии, потому что ей нужна защита и помощь, и ещё потому – эта мысль мелькнула где-то на самом краю его сознания, – что он просто не желает, чтобы она уходила.

– Не хочешь оставаться в замке – пожалуйста, – его речь стала очень быстрой, – Земли Гардена обширны. И здесь не церемонятся с бандитами и магами-ренегатами. Здесь я смогу обеспечить тебе полную безопасность.

– Сергос, – выдохнула Альба, – я и так тебе обязана. Я не могу...

– Ты мне не обязана, – отрезал Сергос, перебив её, – ничем. И не будешь обязана, если останешься в Гардене, – он набрал полную грудь воздуха. – Альба, я не хочу, чтобы с тобой случилось ещё что-нибудь плохое. Я чувствую себя в некоторой мере ответственным за тебя. Конечно, ты вольна поступать как считаешь нужным и идти куда считаешь нужным, но принять мою помощь было бы разумно. Я ничего не попрошу взамен. Я князь, в конце концов, – он расправил плечи, – я могу быть великодушным просто так. Мне это ровным счётом ничего не стоит.

На лице Альбы отразилось сомнение. Сергос решил, что полученный результат нужно закрепить.

– Не отвечай сейчас, приди в себя, восстановись, подумай и тогда ответишь. Торопиться некуда.

– Нет, есть, – возразила Альба. – Мне нужно как можно быстрее попасть домой.

– На пепелище? – всплеснул руками Сергос.

– Да, – она кивнула и пояснила: – Там записи моего отца. Он всю жизнь исследовал этот мир и магию. Изучал, экспериментировал, пытался понять, кто мы... И вёл дневники. Они были в тайнике и могли уцелеть. Я должна их забрать. Хотя бы попытаться, – она перевела дыхание. – Год назад он отправился в опасное путешествие и не вернулся. Чувствую, его больше нет, и дневники – всё, что от него осталось, – с этими словами она заглянула Сергосу в глаза, – понимаешь?

– Понимаю. Очень хорошо понимаю, – задумчиво проговорил Сергос. – Только тебе не нужно идти за ними одной. Я пойду с тобой. И Марис тоже, думаю, не откажется прогуляться.

Глаза Альбы расширились, она собиралась было что-то сказать, но Сергос её опередил:

– Только не начинай мне рассказывать, что тебе неловко принимать и эту помощь, ладно? – он нарочито серьёзно, приподняв одну бровь, посмотрел на Альбу.

И о чудо, её губы тронула лёгкая, чуть смущённая улыбка.

– Ладно, – помедлив, ответила она.

– Значит, решено, – Сергос ударил рукой об руку. – Завтрашний день отводим на сборы – и в путь. Мариса обрадуем за ужином. Вот увидишь, он будет в восторге от этой затеи. А сейчас пойдём, я показал тебе ещё не все красоты этого сада.

4. Путешествие без приключений

На рассвете третьего дня они выдвинулись из Гардена.

Сначала Марис, с энтузиазмом воспринявший идею путешествия, был за то, чтобы отправиться втроём, без телохранителей Сергоса, но потом передумал и заявил, что чем больше компания, тем веселее поход. Альба наконец расслабилась, стала гораздо разговорчивей и то и дело хохотала над шутками, которые Марис отпускал так же часто, как заправский шут. Сергос тоже пребывал в приподнятом расположении духа. Магия окончательно вернулась к нему, погода стояла прекрасная, пели птицы, Марис и Альба смеялись, и чувство какого-то сладостного предвкушения переполняло его, хотя их путешествие обещало занять не больше недели и не предполагало каких-то особенных приключений. Что может быть проще: добраться до деревни, осмотреть то, что осталось от дома, и вернуться обратно?

Сергос искренне надеялся, что дорогие Альбе записи уцелели и легко найдутся.

Во время прогулки по саду он ещё немного расспросил её об отце, и рассказ Альбы всколыхнул в нём воспоминания о собственном деде – самом близком для Сергоса человеке на свете. Князь Соларс учил его и магии, и жизни, и, что самое главное, всегда гордился им и поддерживал во всём. Отец, конечно, занимался воспитанием наследника и по-своему любил его, но был бы счастлив, родись Сергос обычным, не отмеченным Даром. Сергос это понимал, а потому после смерти деда часто чувствовал себя в семье чужим. И если бы дед завещал что-то сохранить, Сергос отнёсся бы к этому с такой же серьёзностью, как Альба к дневникам отца.

Впрочем, дед и завещал – княжество и замок Гарден, забота о котором после отца ляжет на Сергоса. Так что он очень хорошо понимал ценность дневников.

Кроме того, они могли иметь и практическую пользу. Маги существовали уже несколько веков, но до сих пор Сергос не слышал, чтобы кто-то задавался целью упорядочить и записать сведения о Силе. Знания были стихийны и передавались от учителя к ученику, если вообще передавались. Многие так и оставались самоучками, а кто-то был отмечен Даром, но не умел им пользоваться. Создания, обладающие огромной мощью, не знали о самих себе и о природе своей Силы ровным счётом ничего. Маги нуждались в знаниях. Странно, что такая простая мысль не приходила ему в голову раньше. А вот отец Альбы явно был всерьёз озадачен этим вопросом. Жаль, что с ним уже не пообщаться. Сергосу он виделся личностью довольно интригующей.

За этими размышлениями Сергос вспомнил, как сам впервые воспользовался Силой.

Дар у него проявился поздно, ему почти исполнилось двенадцать. До этого времени ничего, кроме способности видеть Существ, не отличало его от обычного мальчика. Худого, маленького, болезненного и очень застенчивого мальчика – живой демонстрации того, каким не должен быть наследник славного княжеского рода. Сергос осознавал это в полной мере, благо умом он обделён никогда не был, и из всех сил боролся со своими недостатками.

Получалось, по правде говоря, плохо. Он обливался ледяной водой, чтобы закалить своё тело, но каждый раз сваливался после этого с жесточайшей простудой. Он просил, чтобы лучшие гарденские бойцы натаскивали его, но всё время себе что-то тянул, ломал и умудрялся схлопотать по голове даже от тренировочного чучела.

Сергоса собственная слабость ужасно печалила, и не сдавался он лишь потому, что прекратить борьбу было бы равноценно признанию, что дух его ещё никчёмнее тела.

Всё изменилось в один день.

Месяц Дождей перевалил за середину, но солнце всё ещё припекало так жарко, что впору было сеять. Сергос с самого утра тренировался в саду с мастером Димаром. Ножи, как и всегда, не долетали до мишени на дереве, стоило Сергосу только отойти на мало-мальски приличное

расстояние. Проблем с меткостью у него не было, просто не хватало силы в руках, чтобы метнуть как следует.

Нож снова упал на землю на полпути. Сергос, совершенно расстроенный, пошёл его поднимать. Завтра упражнения под неизменно снисходительным взглядом наставника продолжатся, но на сегодня унижений хватит. Ну разве что ещё один, последний бросок?

Сергос отошёл от мишени на вдвое большее расстояние, чем прежде. Потом подумал и отошёл ещё дальше. Чтобы точно не добросить, чтобы даже не было обидно.

Нож вонзился в дерево по самую рукоятку, расколов мишень пополам. Наставник ахнул, хлопнул Сергоса по плечу и повёл к дереву смотреть поближе.

Сергос двигался как во сне. С такого расстояния нельзя было попасть. Невозможно. Не его слабой рукой. Но Сергос очень этого хотел. За мгновение до того, как нож вырвался из руки, Сергос представил себе, живо и ярко, как бросок достигает цели. Он вложил в это желание всего себя. И сейчас из дерева торчала только оплавленная рукоятка ножа, а недостижимая мишень лежала на земле, расколота надвое.

Так в первый раз проявил себя Дар.

Это позднее объяснил дед, когда Сергос, счастливый и потрясённый, прибежал к нему хвастаться.

А в тот момент Сергос стоял перед деревом и впервые в жизни ощущал себя сильным. Он чувствовал каждый свой мускул, чувствовал руки, вдруг ставшие твёрдыми, чувствовал свои расправленные плечи. Его труды не прошли впустую.

С тех пор ножи всегда достигали цели, с магией или без неё. Дар вселил в него веру в собственные силы, а лентяем Сергос и так никогда не был.

Сергос вынырнул из воспоминаний, пришпорил коня и догнал авангард их маленького отряда – Мариса с Альбой.

– К вечеру доберёмся до Штольма, – вещал Марис. – Там как раз по пути большая ярмарка, можно будет походить, посмотреть, выпить вина с травами.

– Я думала, ты не очень любишь ярмарки, – удивлялась Альба.

Наряд в дорогу она выбрала не сильно отличающийся от тех, что были у Сергоса и Мариса, с поправкой на то, что на ней мужские штаны с сапогами и кожаный жилет поверх рубахи, подобранные под её размер, смотрелись гораздо интереснее. Для тепла Альба накинула шерстяной плащ, волосы оставила полураспущенными, присобрав на затылке.

– С чего бы мне их не любить? Я больше не запуганный ребёнок в браслетах. К тому же у меня завалилось кое-что на продажу, а штольмская ярмарка – отличное место, чтобы пополнить кошель.

– Так, – Сергос вклинился в разговор, – твоим кошельком мы займёмся на обратном пути. Ярмарка проходит в Вальде, а это крюк, полдня потеряем.

– А я знал, я знал, что ты это скажешь! – развеселился Марис. – Я всё продумал: мы заворачиваем в Вальде, развлекаемся, ночуем там, а потом срезаем путь через Тихий лес. Так выйдет даже быстрее, чем по тракту.

– Я бы на твоём месте не был так уверен, что через Тихий лес выйдет быстрее. Известно, на кого там нарвёшься.

– Сергос, нас трое и с нами ещё три здоровых рубаки. Это другие должны волноваться, что могут нарваться на нас. Я бы в таком составе ещё выследил Дженго, поболтал с ним и вернул твои камушки. Звёздные сапфиры в руках этого урода, сколько ещё подвалов с бьёрками он обустроит... Аж передёргивает, как подумаю.

– Так вот что ты ему отдал, – тихонько охнула Альба.

Повисла пауза. Под суровым взглядом Сергоса Марис понял, что сболтнул лишнего и, как мог, постарался сгладить неловкость:

– Ну, это мы обдумаем уже на обратном пути. А сейчас доверьтесь лучшему в мире проводнику, то есть мне! – Марис широко улыбнулся. – Вальде ждёт нас. Да же? – он вопросительно посмотрел на Сергоса. – Нам всё равно нужно где-то заночевать.

Сергос шумно вздохнул и провёл рукой ото лба вверх, взъерошивая волосы.

– Что думаешь? – обратился он к Альбе. – Доверимся лучшему в мире проводнику?

– Он довольно убедителен. Пожалуй, можно довериться.

– Через Вальде так через Вальде, – пожал плечами Сергос.

Марис просиял и признательно кивнул Альбе.

Вальде – небольшой городок на границе двух княжеств, Гардена и Штольма, – впервые удостоился принимать у себя ярмарку Урожая, что проходила каждый год в месяце Падающих Листьев, и делал это со всей ответственностью. Замысловатая конструкция из веревок, разноцветных флажков и фонариков светящейся сетью висела над главной аллеей, ведущей от городских ворот к центральной площади. Дома по бокам аллеи празднично украсили, музыка была слышна от самых ворот, а ароматы жареного мяса и сладостей наполняли воздух, заставляя стражников Вальде с тоской поглядывать в сторону площади.

– Здоровы будьте, воины! – обратился к ним Марис.

– Добро пожаловать в Вальде! – хором отозвались стражники, выпрямившись и пристукнув древками своих алебард по брусчатке.

Приветствие явно было выучено специально к ярмарке, но прозвучало на удивление искренне. Поди, жалование парням на время праздника всё же подняли.

– Где у вас тут лошадок можно оставить? А то негоже по такой чистоте гарцевать, загадят животные, – Марис кивнул на брусчатку. – Выглядит, будто её мыли.

– Так и мыли, – пожаловался стражник, мгновенно попавший под очарование Мариса.

Остальные закивали, подтверждая, что да, действительно, было дело.

– Серьёзная подготовка, – присвистнул Марис.

– Ну и ярмарка ведь не каждый день бывает. Вы лошадей у старика Клеменса оставьте. Это вот тут, сразу за углом, – стражник указал направление. – Он за животинкой на совесть присмотрит. И про ночлег у него тоже поинтересуйтесь, а то в Вальде сейчас всё занято. Старик кому попало кров не предоставляет, но вам, думаю, не откажет.

– Спасибо за совет, дружище! С меня пиво!

– Да ладно, – махнул рукой стражник, – хорошим людям и так помочь приятно.

– Как тебе это удаётся? – удивился Сергос, когда они свернули за угол. – Два слова – и ты им уже как родной.

– Обаяние, Сергос, это всё моё обаяние, – деланно вздохнул Марис, чем в очередной раз вызвал улыбку Альбы.

Старик Клеменс – пожилой, в меру упитанный мужчина с роскошными усами – сидел на крыльце дома и курил трубку. Он выдыхал колечки дыма и задумчиво наблюдал за тем, как они поднимались вверх и таяли.

– Здравствуй, мил человек, – Сергос спрыгнул с лошади и подошёл к Клеменсу.

– И вам не хворать, – старик обвёл своеобразную компанию взглядом и выпустил очередное колечко дыма.

– Нам нужен ночлег, – сразу перешёл к делу Сергос, – и место для наших лошадей. Говорят, ты можешь обеспечить и то и другое.

– Люди много чего говорят, – прищурился Клеменс. – Цена, я так понимаю, вас волнует мало?

Сергос только хотел сказать, чтобы старик называл свою цену и они её заплатят, но тут Марис не выдержал и вмешался в разговор:

– А с чего это вдруг ты решил, что цена нас не волнует? – возмутился он.

Клеменс покрутил трубку в руках и, ухмыльнувшись, заметил:

– У вас гарденские лошади, с вами наёмники-телохранители, а профиль этого благородного юноши, – он указал на Сергоса, – так сильно напоминает профиль князя Деннарда, что на это невозможно не обратить внимания. Я думаю, вы можете себе позволить заплатить старику, который, к слову, готов любезно уступить вам дом, а сам заночевать на чердаке, ту цену, которую он запросит.

– И сколько же он запросит? – поинтересовался Сергос.

– Пятьдесят серебряных, – невозмутимо ответил Клеменс. – Половину сейчас, половину, когда будете уходить.

– Да это грабёж чистой воды! – воскликнул Марис. – Вообще-то большая честь принимать у себя будущего князя Гардена. Тебе весь Вальде будет завидовать!

– Марис! – теперь возмутился уже Сергос. – Не смей торговаться моим именем! Хозяин дома назвал свою цену, и нас она устраивает, – он выделил голосом последнее слово, отсчитал монеты и передал их Клемену.

– Добро пожаловать в мой дом, – старик взял монеты, поклонился. – Принимать таких гостей и правда большая честь, – он бросил быстрый взгляд на Мариса.

Тот раздражённо фыркнул.

– Позвольте, я покажу вам всё, – Клеменс жестом пригласил гостей в дом.

– Я пойду по своим делам, – сообщил Марис, передав поводья лошади одному из наёмников, – встретимся на центральной площади. Я вас найду.

Он быстро зашагал прочь, не дожидаясь ответа.

– Сначала покажи парням, куда отвести лошадей, – сказал Сергос Клемену. – Мы ждём здесь.

– Как пожелаете, – улыбнулся Клеменс, – всё для вас.

Сергос направился к Альбе, чтобы помочь ей спуститься с лошади, но девушка ловко спрыгнула с гарденского скакуна.

– Я и сама умею, – она откинула прядь волос с лица.

– Да я и не сомневался. Так, на всякий случай, хотел помочь.

Наёмники забрали лошадей и повели их за дом, куда указал Клеменс.

– Марис, похоже, обиделся, – заметила Альба, когда они с Сергосом остались наедине.

– Обиделся. Только мог бы и подумать, прежде чем бросаться моим именем. Я вроде не девица на смотринах, сам за себя говорить могу, – Сергос перевёл дыхание. – Не переживай, он отходчивый. Сейчас выгодно продаст свои камушки и забудет про этот разговор.

На самом деле реакция Сергоса на слова Мариса была неожиданной для него самого, а уж для Мариса и подавно. Потому что Марис имел обыкновение влезать в любой спор, который слышал, говорить за всех, и, как правило, Сергоса это мало трогало. А тут он с чего-то вдруг вспылал.

Клеменс вернулся быстро. Старший наёмников тоже подошёл следом, очевидно, поручив заботу о лошадях подчинённым.

Сергос решил не тратить время попусту.

– Клеменс, дом мы сейчас смотреть не будем, я и отсюда вижу, что он добротный и цену на ночлег ты завысил всего лишь раза в три. Подготовь всё к нашему приходу.

– Как прикажете, молодой князь, – Клеменс сделал вид, что не заметил иронии. – Как мне вас расположить? – поинтересовался он, явно намекая на Альбу.

– Даме хотелось бы отдельную комнату, чтобы мы своим мужским обществом ей не мешали. В остальном предпочтений нет, нам только поспать, а утром снова в путь. Винс, – обратился Сергос к командиру наёмников, – до утра вы с парнями свободны.

– Благодарю, милорд, – поклонился наёмник.

– Ну что, пойдём посмотрим на ярмарку? Найдём Мариса. Бьюсь об заклад, он уже что-нибудь продал и теперь развлекается.

Альба с улыбкой согласилась.

На центральной площади было не протолкнуться. Торговцы зазывали народ, наперебой до хрипоты предлагая свои лучшие товары. Актёры, музыканты и акробаты развлекали публику. Толпа пребывала в постоянном движении, люди перемещались от лавки к лавке, кто-то бурно торговался, кто-то раскрыв рот следил за представлением на подмостках у большого дуба, кто-то уплетал калачи, а другие налегали на мясо кабана, которое срезали прямо с туши, крутящейся на вертеле. Пиво и пряное вино лились рекой. Народ толкался и гудел.

Вечерело, и, несмотря на обилие праздничных огней и костров, на ярмарочной площади стало темнеть. Сергос решительно взял Альбу за руку, чтобы не потерять в толпе.

– Хочешь взглянуть, что они там показывают? – он указал на подмостки.

– Хочу, – обрадовалась Альба. – Мне нравятся лицедеи.

Сергос улыбнулся и начал плечом прокладывать путь к центру площади. Ладонь Альбы приятно лежала в его руке.

Лицедеи ставили что-то про любовь. Когда Сергос и Альба добрались до подмостков, герой как раз спас красавицу от разбойников, за что получал её безмерную благодарность и неожиданный поцелуй. Народ с интересом наблюдал за действием, мужчины выкрикивали советы герою быть посмелее, женщины смущённо хихикали. Альбу зрелище тоже увлекло. Сергос же учуял запах свежее испечённого хлеба и начал оглядываться. Источник нашёлся быстро – чуть поодаль, прямо на площади, пекли калачи.

– Будь здесь, я сейчас вернусь.

Альба кивнула.

Сергос купил большой калач с мёдом и кувшин горячего вина с пряностями. Вернувшись, он обнаружил, что история на сцене приняла неожиданный поворот. Друг героя стал его соперником, и теперь они бились за сердце красавицы, а та рыдала. Лицедеи отвратительно переигрывали. Альба, по всей видимости, начинала терять интерес к происходящему с героями, оглядывалась по сторонам. Сергос решил, что она не расстроится, если отвлечь её более насущным удовольствием.

– Ломай, – он протянул ей калач.

– О, еда? – оживилась Альба.

– Ну да, – пожал плечами Сергос. – Решил, нам пора подкрепиться.

Она улыбнулась, отчего снова проявились ямочки на щеках, и отломала половину от протянутого Сергосом калача.

Альба с явным наслаждением уплетала калач, с набитым ртом восхищаясь мастерством пекаря. Сергос поддакивал, но сам почти не ощущал вкуса, потому что всё его внимание сосредоточилось на ней. От вина её щёки слегка порозовели, в глазах плясали весёлые искорки, и в целом она была просто прекрасна.

Расправившись с едой, Альба облизала губы, и Сергос вдруг неожиданно для себя нашёл этот жест невероятно волнующим. Он ни о чём таком не думал, но в голове сама собой воз-

никла совершенно неуместная мысль, что её губы сейчас должны быть очень сладкими на вкус. Сергос поперхнулся вином.

– Всё хорошо?

– Д-да, – он откашлялся, – задумался просто.

– Было очень вкусно. Спасибо.

– Я рад, что тебе понравилось, – искренне сообщил он.

Спектакль на подмостках закончился, финал они пропустили.

Лицедеи споро разобрали простецкие декорации, появились дудочники, лютнисты и барабанщики, заиграла музыка, и на площадь под дубом выкатилась пляшущая толпа. Сергос собрался было пригласить Альбу потанцевать, но тут из толпы появился Марис.

– О, вот вы где! А я уже подумал, что дом старого пройдохи оказался так великолепен, что вы решили и на ярмарку не ходить. Хотя за такую цену он сам должен был привести ярмарку к вам, – Марис расхохотался над собственной шуткой. – Пойдём танцевать, красавица!

Сергос не успел и глазом моргнуть, как Марис утащил Альбу в круг танцующих.

Он почувствовал острый укол ревности. Да как у него это так легко и незатейливо выходит-то? Не спросил, не предложил, просто схватил за руку и увёл. И ведь она и не думала сопротивляться. Пошла и всё! Внутри у Сергоса всё закипало, и он непременно взорвался бы, если бы перед ним вдруг не появилась Альба.

– Пойдём с нами? – она дотронулась до руки Сергоса.

Он хотел сказать, что не желает танцевать и что сейчас очередь Мариса её развлекать, и вообще не стоило за ним возвращаться. Но его сердце так радостно забилося от её прикосновения, что все эти слова стали ненужными. Отказать ей, улыбающейся, румяной, слегка растрёпанной, оказалось выше его сил. Поэтому он с глупой улыбкой последовал за Альбой в хоровод.

Марис отпустил руку соседа, разорвав живую цепь и принимая в хоровод Альбу и Сергоса. Ритм танца захватил их. Вино дарило телу приятную лёгкость, музыка вела и увлекала, а веселье чудесным образом передавалось из ладони в ладонь.

– Фух, надо передохнуть! – выпалил запыхавшийся Марис, когда музыканты на пару мгновений затихли, переводя дух перед новой плясовой. – Вы как?

Альба с готовностью закивала, и Сергос её поддержал. Они начали выбираться из толпы.

– Эй, красотка, подожди! Потанцуй и со мной! Где два, там и третий, – донёсся пьяный возглас.

Сергос даже не сразу понял, что обращались к Альбе. Дошло до него только тогда, когда её кто-то схватил за рукав.

Сергос не думал.

Разворот – и кулак полетел в лицо наглецу. Толпа отшатнулась, тот упал на спину. Отхаркнул кровью, вперился ошалевшими глазами в Сергоса и начал подниматься. Сергос почувствовал, как сжимавшаяся внутри пружина раздражения, о которой он и не подозревал до этого, распрямилась. Хмель мгновенно улетучился, его охватило опьянение другого рода.

Захотелось драки.

Дебошир тем временем поднялся. В его руке что-то блеснуло. Нож. Зеваки образовали широкий круг.

Противник приближался. Похоже, что вино выветрилось и из его головы: ступал он твёрдо, перекидывая нож из руки в руку для устрашения. Сергос ухмыльнулся и принял обманчиво расслабленную позу. Он знал: кто пытается вызвать у противника страх – не воин. Воин бьёт, а не пугает. Эта драка будет быстрой.

Так и вышло. Сергос дважды ловко увернулся от размашистых ударов дебошира, а пока тот замахивался для третьего, улучил момент и выбил нож из его руки. Дальше оставалось только подойти ближе и сильным ударом под подбородок повалить громилу. В этот раз подняться он уже не смог и, изрыгая ругательства, начал отползать в толпу.

– Я бы мог заставить тебя молить о прощении, – бросил Сергос, – но кому нужны извинения шелудивого пса?

– Смотри, как бы тебе самому не пришлось просить прощения, дворянчик, – раздалось справа, и Сергос с интересом повернулся на голос.

Из толпы вышли трое громил совершенно разбойничьего вида: заросшие, в шрамах, в полуброне посреди мирного праздника. Они начали окружать Сергоса: один заходил справа, другой – слева, а тот, кому принадлежал голос, ухмыляясь, шёл прямо на него.

– Ты обидел нашего друга. Придётся за это заплатить.

– Вашему другу бы за языком следить и за руками. Глядишь, не обижали бы.

Сергос примерялся, с кем разбираться в первую очередь. С двоими он точно справится, трое – тяжело, но тоже несмертельно. Главное правильно выбрать, с кого начинать.

– За языком и руками сам следи, пока бабу свою топчешь, – огрызнулся средний.

– Парни, у вас тут так весело, я, пожалуй, присоединюсь.

Рядом с Сергосом вырос Марис.

Двое громил замерли, ожидая реакции главного. Вид и размеры Мариса их впечатлили.

– Надо же, какие мы дружные! – всплеснул руками главарь. – Кстати, вот мне прям стало интересно, вы когда с девкой своей забавляетесь, вы как, по очереди ей засаживаете или одновременно?

Это было уже слишком. Сергос почувствовал, что кончики его пальцев горят. Ярость кипела в нём, Сила так и рвалась наружу. Простой драки больше не хотелось. Испепелить наглецов – и вся недолга!

С трудом, но он сдержался. Убийство посреди ярмарки уж точно не входило в его планы. А вот хорошей драке – быть!

Сергос одним прыжком преодолел расстояние до главаря. Коротко замахнулся, ударил в печень. Защититься тот не успел, удар согнул его пополам. Сергос нанёс ещё несколько быстрых ударов по корпусу и отскочил. Противник был гораздо крупнее, подставляться под его ответные удары Сергос не собирался. Боковым зрением он следил за двумя другими дебоширами. Они оба кинулись на Мариса, очевидно, решив разобраться сначала с более крупным противником. Ну-ну.

Главарь тряхнул крупной патлатой башкой и ринулся в атаку. Сергос просто уходил от его кулаков, избегая бить самому. Громилу надо сперва вымотать, тогда один-два точных удара решат исход драки.

– Что ты бегаешь?! Дерись! – прорычал дебошир.

Сергос отметил, что тот запыхался и его руки будто отяжелели. Устал, голубчик. Пора!

Он действовал своим излюбленным способом – резко сократил расстояние до противника, поднырнул под выброшенную для защиты руку и на подъёме, вложив в удар весь свой вес, всадил кулак громиле под подбородок. Тот зашатался, нелепо замахал руками, но на ногах всё же устоял. Сергос не стал останавливаться и атаковал снова. Несколько пропущенных быстрых ударов привели громилу в ярость, он с рёвом бросился на Сергоса, намереваясь ухватить за плечо и втянуть в борьбу. Сергос вывернулся, перехватил его руку, заломил кисть. Болевой приём заставил громилу отшатнуться и полностью дезориентировал. Сергос воспользовался моментом, с размаху всадил кулак ему в ухо и сбил с ног.

Марис тем временем уже успел разбить лица обоим противникам, чем изрядно остудил их пыл. Они ходили вокруг него, но нападать больше не решались, а когда увидели, что и их главаря повергли, переглянулись и начали бочком отступать, желая затеряться в толпе. Марис громко расхохотался.

Пути отхода дебоширам перегородили стражники, подоспевшие как раз под занавес драки.

– Стойте, где стоите! Вы арестованы!

Блеснули наконечники арбалетных болтов, и Сергос с удивлением обнаружил, что направлены они в том числе и на него.

– Парни, как вы вовремя! – воскликнул Марис. – Забирайте готовеньких!

До него ещё не дошло, что для стражников и они с Сергосом, и громилы были в равной степени нарушителями порядка.

– Стой, где стоишь, я сказал! – стражник ткнул Мариса арбалетом в грудь, когда тот сделал несколько шагов к стражникам.

– Послушайте, – Сергос поднял руку, привлекая внимание, – здесь произошло недоразумение. Эти люди посмели оскорбить нашу спутницу, и такого стерпеть было нельзя...

– Вы арестованы все, – перебил его стражник. – Мне нет дела до причин вашей драки. Всех дебоширов на ярмарке велено сажать в темницу. До утра посидите, а там посмотрим.

– А нельзя ли заменить арест штрафом? – невинно поинтересовался Марис.

От такой наглости даже у Сергоса, казалось бы, привыкшего к его выходкам, глаза полезли на лоб.

Стражник аж задохнулся и весь пошёл красными пятнами.

– Ты что, предлагаешь мне взятку?! При честном народе?!

– Как можно? – деланно возмутился Марис.

Впрочем, для тех, кто видел его впервые, это должно было выглядеть очень искренне.

– Какая взятка? Разве можно назвать взяткой определённую сумму, которую я хочу внести в казну славного города Вальде, чтобы хоть немного загладить этот неприятный случай? – голос Мариса стал вкрадчивым. – Скажем, сто серебряных?

Сергос в очередной раз наблюдал, как противоестественная харизма Мариса подчиняла себе окружающих. Да, сейчас она была подкреплена заманчивой суммой, но не в этом дело. Если бы такой трюк попытался провернуть Сергос, ему это едва бы удалось, а скорее всего, всё стало бы только хуже. А тут... Оставалось только наблюдать.

Стражники переглянулись. На лицах у них отражалось сомнение. Сто серебряных – сумма внушительная. И ведь не взятка, а в казну! На благо родного городка, так сказать.

Народ тоже оживился. Те, кто стоял поближе и слышал предложение Мариса, передавали его суть тем, кто стоял подальше. Гудение голосов становилось всё громче, наконец кто-то самый смелый выкрикнул: «Да отпустите вы их!»

«Да-да!» – поддержал другой.

«Берите деньги и отпускайте! Ведь не бандиты же, девушку защищали!»

«А разбойников этих заprite покрепче!»

«Служивый, давай, отпускай парней!» – доносилось со всех сторон.

Стражник поднял руку, успокаивая толпу. Потом, решившись, махнул другим. Арбалеты, направленные на Сергоса и Мариса, опустились.

– А не жалко денег-то? – поинтересовался стражник. – Может, проще в темнице ночь перекантоваться? Вы вроде парни не сахарные, не растаяли бы.

– С нами дама, – важно напомнил Марис. – Одну не оставишь, опять какое отребье привяжется, – он глянул в сторону громил, всё ещё стоящих под прицелами арбалетов, – а с собой не возмёшь, темница – не самое подходящее место для леди. К тому же мы хотим хоть немного загладить свою вину перед жителями Вальде за испорченный праздник.

С благочестивым смирением на лице Марис достал кожаный мешочек и протянул его стражнику.

Тот принял кошель, развернул, чтоб проверить содержимое. Толпа издала дружный вздох. Что ни говори, это представление взволновало народ побольше слезливой истории лицедеев.

– Если подобное повторится – штрафом вы уже не отделаетесь, – пригрозил стражник для порядка, завязывая кошель. – Но сейчас вы свободны.

Толпа довольно заулюлюкала. Марис кивнул стражнику, поклонился народу и подал Сергосу знак уходить. Сергос не заставил себя долго упрашивать, двинулся за Марисом. Тот взял растерянную Альбу под локоток, и они втроём двинулись прочь с площади под дубом.

– А что, так можно было? – донёсся до них возмущённый голос главаря дебоширов.

– Тебе – нет! Шагай давай! – ответил ему кто-то из стражников.

– Не стоило ввязываться в драку из-за меня, – сказала Альба, когда они отошли на некоторое расстояние от площади.

– Что значит «не стоило»?! – взвился Сергос. – Я никому не позволю оскорблять... – он на мгновение замялся, – моих близких друзей!

– Это ведь просто слова, они не могут ранить.

– Но он посмел коснуться тебя!

Вышло как-то слишком пылко. Альба потупилась. Сергос и сам смутился своей горячности, неловко замолчал, потёр лоб. Ситуацию спас Марис.

– Альба, – начал он, – наш друг хотел сказать, что, когда этот негодяй посмел обратиться к тебе без должной учтивости, он тем самым нанёс оскорбление и нам с Сергосом. И стерпеть такое было бы недостойно мужчины. Я бы и сам дал в морду этому хмырю, Сергос просто успел раньше.

Глаза Мариса загорелись.

– Ох, ну ты видела, как мы им дали кулака? Только и могут ножичками размахивать да скопом нападать, а на деле – пшик! А Сергос, Сергос-то, – Марис закинул руку ему на плечо, – громилам этим навалял, видела как? А они в два раза здоровее него. Да и меня даже покрупнее будут.

– Тебе, кажется, это всё понравилось, – Альба покачала головой.

– Мне? Да я в восторге просто! Давно так не веселился!

– Что, и даже ста серебряных не жалко? – не удержался от иронии Сергос.

– Чуть-чуть, – признался Марис. – На самом деле, у меня было ещё два варианта отхода. Первый – навести на стражников морок и сбежать. Но, согласитесь, эффект совсем не тот, веселья никакого. А второй – объявить, кто ты, и потребовать старосту. Было бы, конечно, весело посмотреть, как они будут арестовывать гарденского наследника. Но я решил, что ты эту идею не оценишь.

– Я бы не оценил, – подтвердил Сергос.

– Ну вот поэтому пришлось потратиться, – вздохнул Марис. – Всё, что я выручил сегодня, между прочим.

– Я готов возместить твои расходы. Моя казна – твоя дипломатия. Никто другой, кроме тебя, не договорился бы со стражниками столь изящно. Так что всё честно.

– Ты обесцениваешь мой широкий жест, Сергос, – тоном оскорблённой невинности заметил Марис, но глаза его смеялись. – Я не благородный по рождению, но обладаю щедрой душой. В общем, – хитрая ухмылка расплзлась по небритому лицу, – скажешь Джарвису, что даровал мне неограниченный доступ к запасам гарденского вина, и мы в расчёте.

Альба прыснула со смеху, Сергос последовал её примеру.

– Не знаю, как буду смотреть в глаза Джарвису, но будь по-твоему!

Ударили по рукам.

– Ну что, отправимся в хоромы старика? Ты же наверняка отвалил кучу денег не глядя.

– Кто бы говорил!

– Ты не путай тёплое с мягким, дружище, – Марис назидательно поднял палец. – Я отвалил серебро за впечатления. Ну и нашу свободу, разумеется.

– А я заранее позаботился о комфортном ночлеге, – парировал Сергос. – Кто-то должен думать о насущном.

– Кстати, о насущном. Что насчёт еды? Старый пройдоха обеспечит нам ужин?

– Я как-то и не спрашивал. У него же не харчевня.

– Ну вот так всегда! – всплеснул руками Марис. – Подумал он... Пойдём еды добудем. Я тут приметил неплохую таверну.

– Давайте, пожалуйста, без людных мест, – вмешалась Альба. – Хватит на сегодня приключений. Сейчас на вас там ещё кто-нибудь не так посмотрит... Ну а что за этим следует, мы все уже знаем, – она многозначительно посмотрела на сбитые кулаки обоих мужчин.

– Ты хочешь сказать, что мы забияки? – рассмеялся Марис.

– В целом, да, именно это я и хочу сказать, – она упёрла руки в бока.

– На самом деле, – тоном, каким рассказывают страшные секреты, поведал Марис, – это происходит только в присутствии очень красивых девушек, во всех других случаях мы крайне миролюбивы. Так ведь, дружище? – обратился он к Сергосу.

Сергоса уже в который раз охватило странное смятение. Скрытый комплимент Мариса тронул щёки Альбы лёгким румянцем, и это раздражало. Хотя Сергос был, конечно, с ним согласен. Более чем согласен. Но то, что озвучил это Марис, задевало. И к чему эти нелепые намёки?

– Ты так выражаешься интересно, можно подумать, что такое с нами часто случается, – фыркнул Сергос.

Ему совсем не хотелось, чтобы Альба поняла слова Мариса именно в таком ключе.

– Наоборот, – возразил Марис, – я подчёркивал нашу миролюбивость. Такое веселье происходит совсем редко. По мне, так можно бы и чаще. Подраться за красавицу, что может быть лучше? – мечтательно протянул он.

– Вероятно, лучше может быть только поесть? – съязвил Сергос, чтобы остановить разошедшегося паяца.

Снова эти полупрозрачные реверансы и «красавицы».

– Поесть всегда хорошо. Особенно в приятной компании. Предлагаю добыть еды, вина и отправиться на ночёвку, как того и пожелала прекрасная дама. Возражения есть?

– Нет возражений, пойдём.

Сергос заметил, что Альба перестала смущаться в ответ на слова Мариса о её красоте. И немудрено, столько раз повторённый комплимент теряет всякое очарование. Сергос почувствовал себя спокойнее.

У лавок с едой Мариса настигло вдохновение гурмана, как он сам называл это состояние. Вскоре у него в руках уже очутилась огромная корзина, полная всякой снеди. Мясо жареное, мясо копчёное, хлеб, фрукты, орехи, сыр, запечённые в золе яйца какой-то птицы, водящейся только в Тихом лесу, – местный деликатес. Торговцы смотрели на него с обожанием, будто бы сам бог-покровитель ярмарок, если бы такой существовал, явился к ним в лице Мариса.

– Куда тебе столько еды? – хохотнул Сергос, когда Мариса стало почти не видно за покупками.

– Сколько – столько? – раздалось из-за корзины. – Здесь совсем немного. К тому же завтра нам в дорогу, надо подумать о припасах, в Тихом лесу таверны не сыщешь.

– А ты вот прям, если полдня не поешь, погибнешь от истощения.

– Я, может, и нет. А вот это хрупкое создание, – он кивнул на Альбу, – надо кормить.

– А, то есть это ты для меня столько еды набрал? – звонко рассмеялась Альба.

– Ну не для себя же! Я слежу за фигурой. Так, хватит болтать! Подержи!

Марис взвалил свою аппетитно пахнущую ношу на Сергоса.

– Я сейчас. Присмотри за ним, – это было Альбе.

– А он запасливый, – заметила Альба, иронично приподняв бровь.

– Кто-то просто слишком много ест, – проворчал Сергос.

Он пытался как-то поудобнее перехватить корзину, которая так и норовила выскользнуть из его рук под своей тяжестью.

– И пьёт, – добавил он, когда Марис вернулся.

Одной рукой Марис прижимал к себе три бутылки вина, другой зажимал под мышкой большой бочонок.

– Нам утром в дорогу, – напомнил Сергос.

– Так нам только вино, пиво – парням у ворот, я ж им обещал.

– О, это в корне меняет дело.

Альба тем временем сосредоточенно всматривалась куда-то вглубь аллеи и их не слушала. Сергос проследил за её взглядом – внимание девушки было приковано к лавке с какими-то безделушками, украшениями вроде.

– Альба, – позвал он. – Альба, – пришлось повторить во второй раз, и только тогда она отреагировала.

– А? – она выглядела встревоженной.

– Хочешь посмотреть? – Сергос кивнул на лавку с украшениями.

Она странно посмотрела на него, будто бы не поняла смысл его слов, перевела взгляд на Мариса, потом обратно.

– Нет, – она тряхнула головой, точно прогоняя морок. – Нет, – добавила уже уверенней. – Я просто почувствовала на себе взгляд, и мне показалось... Мне показалось, в общем. Нет там никого. Да, показалось, – повторила она скорее для себя, чем для них.

Сергос снова глянул в сторону лавки, но не заметил ничего, что могло бы встревожить Альбу.

– Да это просто кто-то из прохожих глянул, вот ты и почувствовала, – предположил Марис.

– Да, наверно. Пойдёмте уже? – попросила она. – Я что-то устала.

– Конечно!

– Сейчас поедим, отдохнёшь и утром будешь как новенькая, – пообещал Марис.

Альба слабо улыбнулась. Но Сергос про себя отметил, что она побледнела.

Человек в белой маске смотрел вслед уходящей троице. Его руки нервно сжимали одна другую. Он был в бешенстве.

5. Маска

– Ты клялся мне, что она никогда не выйдет из твоего борделя живой!

Маска скрывала мимику, но звука голоса и нервных движений Дженго было достаточно, чтобы понять: Ивон в бешенстве.

– Ты сказал мне, что она мертва! И что я вижу?! Девушка разгуливает на свободе живее всех живых, да ещё в компании двоих таких же проклятых! Браслеты сняты, она снова при Силе! – он почти рычал. – Как ты мне это объяснишь, Дженго?! У нас был уговор! Ты думаешь, меня можно обмануть и тебе всё сойдёт с рук?!

– Ивон, Ивон, успокойся, пожалуйста! – Дженго выставил руки в примирительном жесте.

Отпираться бессмысленно – Дженго действительно солгал ему. А что ещё он мог сделать? Реакция этого психа была предсказуема, ему же не втолкуешь про выгоду. Повернулся он на этой девке. Но у Дженго-то с головой всё в порядке, чтобы упускать такой шанс. Тринадцать сапфиров, шутка ли! И, главное, всё же гладко шло, и тут – на тебе, такая засада.

– Я, конечно, был не прав, что обманул тебя, – оправдывался Дженго, – но так уж вышло. Этот князь предложил за неё столько золота, что я не удержался, – он старался принять вид искренне сожалеющего о содеянном человека. – Алчность – моё слабое место. Да и вообще, сдалась тебе эта девка! Хочешь, отдам тебе половину золота, что выручил за неё?

О сапфирах Дженго благоразумно умолчал.

– Это целое состояние, поверь. Конечно, я должен был сразу предложить, но...

Ивон внезапно оказался очень близко, вцепился обеими руками в горло Дженго. Глаза, поблёскивавшие в прорезях маски, источали чистую злобу.

– Я расплаваю его и заставлю тебя выпить! Или даже не так – сначала ты сожрёшь это золото, а потом я расплаваю его внутри тебя!

Руки Ивона действительно начали нагреваться. Огненная удавка всё сильнее сдавливала горло. Дженго начал задыхаться.

«Грёбанные, грёбанные магии!» – билось в его мозгу.

– Ты клялся мне, – как заведённый повторял Ивон, – клялся. Надо было убить её самому. Она опасна, понимаешь? Она разнесёт скверну и помножит её. Надо было убить её на месте, а ты уговорил меня отдать её тебе. Ты заверил меня, что она останется в том подвале и доживёт свои дни в моих браслетах!

– П-прости, – выдавил Дженго.

Сознание мутилось от боли и нехватки воздуха.

– Я ведь никогда не подводил тебя. Оружие для твоих людей? На! Йодасов наловить да зачаровать для твоих представлений? На! Я дал тебе средство, что превращает детей Лаумы в беспомощных котят! А ты отплатил мне чёрной неблагодарностью. Ни одна из тех, кого ты брал для представлений, не оставалась в живых. А эту, эту проклятую ты взял и отпустил!

– Ивон, ты же убьёшь меня, – почти уже ни на что не надеясь, из последних сил прохрипел Дженго.

Перед глазами у него роились кровавые мушки.

Неожиданно Ивон ослабил хватку. Дженго сполз по стенке. Шея горела огнём, превратившись, наверно, в один сплошной ожог. Но зато он мог дышать.

Пока Дженго жадно глотал воздух, Ивон снова заговорил, нервно потирая запястья:

– Убивать тебя я не буду. Дам тебе шанс исправиться.

Дженго с готовностью закивал.

– Завтра они пойдут через Тихий лес, я слышал их разговор. Собери своих людей, мы встретим их там.

У Дженго глаза полезли на лоб.

– Ты же сказал, – он закашлялся, – что гарденский князёк и его друг тоже маги? Ты хочешь напасть на троих магов в одиночку?

– Не в одиночку. С тобой и твоими людьми.

– Что я и мои люди сделаем против них? Одна эта девка меня чуть не прикончила. Да даже ты со своей силой не сразу её уgomонил. А тут трое!

Ивон навис над ним. За окнами таверны продолжал шуметь праздник, но радостные звуки заглушались стуком собственного сердца у Дженго в ушах и хриплым дыханием Ивона. Отблески ярмарочных огней с улицы блуждали по белой маске, отражались в полубезумных глазах, придавая магии ещё более жуткий вид. Йодас, не человек.

– Не пойдёшь – я убью тебя сам, – сказал Ивон.

Потом, вдоволь насладившись замешательством Дженго, добавил:

– Да не бойся ты так. У меня хватит сил их одолеть. Я окунусь в скверну с головой, но эту девицу уничтожу. Кто-то должен это сделать, а мне терять нечего.

6. Огненный цветок

Дом Клеменса оказался просторным, добротно обставленным и в целом стоил своих денег. Это признал даже Марис. По отдельной комнате хозяин выделил всем без исключения, а на кухне нашлась еда для гостей, к запасам которой уже приложились наёмники.

В просторной комнате на первом этаже, очевидно служившей гостиной, горел очаг, перед ним лежала большая медвежья шкура, и это место выглядело до того уютным, что они решили расположиться прямо здесь, а не за столом.

Около полуночи, когда две из трёх бутылок вина были выпиты, а все вкусы перепробованы, Марис собрался отнести бочонок пива парням на воротах, мол, у них сейчас смена караула и его гостинец придётся как раз кстати. Сергос не стал его удерживать. Во-первых, бесполезно. А во-вторых, ему хотелось остаться с Альбой наедине, без постоянной болтовни их шумного друга. Но с уходом Мариса – и к большому разочарованию Сергоса – Альба тут же засобиралась в свою комнату, сославшись на усталость.

Сергос тоже пошёл спать, пролежал какое-то время, пялясь в темноту, понял, что сон не идёт, и вернулся к очагу.

Все его мысли крутились вокруг Альбы. Он перебирал в памяти её слова, мимику, движения, залихватский смех и взгляд диких глаз, и его обволакивало какое-то сладкое томление. Думать о ней было приятно.

– О, а где наша красавица? Чего ты тут один сидишь?

Марис вернулся.

– У неё имя есть вообще-то, – буркнул Сергос, всё ещё погружённый в свои мысли.

Вышло у него как-то совсем недобро.

Марис опустился на шкуру рядом с ним, вытянув ноги к огню. Откупорил последнюю бутылку, отхлебнул вина из горла и протянул бутылку Сергосу.

– Она тебе нравится, да?

– А тебе нет? – огрызнулся Сергос, застигнутый врасплох прямым вопросом. – Альба – интересная девушка, и мне, безусловно, нравится с ней общаться.

– Ну, Сергос, – протянул Марис, – ну я же не об этом! Мне, например, тоже приятно находиться с ней рядом. Я люблю общество красивых женщин, а если они вдобавок ещё и неглупы, то прихожу в дикий восторг. Но я при этом на людей не бросаюсь.

– А что я, по-твоему, должен был делать? Позволить этой пьяни оскорблять её? Я не так воспитан. Кто-то вроде говорил, что поступил бы так же.

Поленья затрещали в очаге, пламя взвилось снопом искр. Сергос взял кочергу и поворошил дрова и угли.

– Я, разумеется, поступил бы именно так. А вот князь Сергос бы начал с беседы и, если бы она не возымела должного эффекта в виде раскаяния и извинений, только тогда бы полез бить обидчику морду. Да и дело даже не в этом, – Марис снова отхлебнул вина, бывшего для него что вода – не хмелел он совсем. – Ты и на меня готов броситься, едва я с ней, о ней или даже просто при ней заговорю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.